Серия

«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Ответственные редакторы серии:

В. А. ТИШКОВ,
С. В. ЧЕШКО

МОСКВА
«НАУКА»
2000

Народы Поволжья и Приуралья

Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты

Ответственные редакторы:
Н. Ф. МОКШИН, Т. П. ФЕДЯНОВИЧ,
Л. С. ХРИСТОЛЮБОВА

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 391/395
ББК 63.5
Н 30

Ответственный секретарь
серии "Народы и культуры"
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

кафедра этнологии Исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор филологических наук Р.М. БАТАЛОВА,
кандидат исторических наук И.М. ПЕТЕРБУРГСКИЙ

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 2000. – 579 с., ил.
ISBN 5-02-010191-5

В монографии отражены наиболее важные вопросы этнического и культурного развития названных этносов. Исследуются проблемы их этногенеза и этнической истории, современные этнические и этнодемографические процессы. Читатель знакомится с традиционной и современной материальной культурой этносов и получает представление об их взаимодействии и взаимовлиянии. Большое место в книге занимает характеристика духовной культуры (семейных и общественных обрядов и обычаев, а также религиозных верований), показана эволюция этих элементов. Приведены интересные сведения о народном художественном творчестве и творчестве профессиональных деятелей культуры.

Для этнографов, историков и более широкого круга читателей.

ТП-2000-II-№ 16

ISBN 5-02-010191-5

©Издательство "Наука", 2000
©Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Народы и культуры" (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2000

морковь, редька, капуста. Гаражи как самостоятельная постройка существуют, однако довольно часто машины ставят за воротами крытого двора.

В коми и коми-пермяцких селах до сих пор значительную часть жилищ составляют здания, которые были возведены либо в начале, либо в первой половине XX в. Как правило, они построены по традиционной технологии и имеют традиционные планировку и архитектурный облик. Но со второй половины столетия начало появляться много жилищ, которые утрачивают черты традиционных построек и приобретают нехарактерные для их конструкции и планировки особенности. В Республике Коми наиболее типичными жилищами становятся пятистенки и в какой-то степени крестовики. В Коми-Пермяцком округе тоже значительно возрастает доля пятистенков. При этом характерная трехраздельная планировка жилищ практически ушла в прошлое в Республике Коми, хотя еще довольно часто в модернизированной форме присутствует в Коми-Пермяцком округе. Материалом для постройки жилищ, как и прежде, служат ель и сосна.

Избы рубят "в чашу", но нередко и "в чистый угол". Все чаще жилища возводят из бруса. В последние годы стали возводить дома и из кирпича, однако они до сих пор довольно редки. Иногда жилища строят из бетонных панелей и бруса. Окна в большинстве новых построек имеют стандартную форму, такую же, как и у городских жилищ. Почти все новые строения возводятся на фундаментах, кровли имеют в основном стропильную конструкцию и кроются шифером или, очень редко, другими кровельными материалами. Вход в жилище оформляется в виде небольшой застекленной веранды.

Современные жилища, как правило, многокомнатные, с довольно строгим функциональным делением. Даже в тех домах, где оно не столь очевидно, кухня обычно выделяется в самостоятельное помещение. У коми в новых жилищах традиционная русская печь отсутствует, ее заменяет относительно небольшая плита, складываемая в основном из кирпича (*Шабаев*, 1983). У коми-пермяков русские печи можно увидеть и в новых постройках, хотя в большинстве случаев их уже не ставят. В соответствии с функциональным делением жилища формируется и его интерьер. Чаще всего он напоминает интерьер городских квартир, но нередко в доме соседствует как покупная, так и самодельная мебель. Двухэтажный двор у коми сохраняется только в постройках, возведенных в первые десятилетия нынешнего столетия, а помещения для скота возводятся теперь отдельно от жилища, равно как и остальные хозяйственные постройки. У коми-пермяков жилые помещения и двор в несколько модернизированной форме нередко и ныне объединены в единый хозяйственный комплекс, а хозяйственные постройки, в частности бани, сооружают порой не из сосны или ели, а более дешевой осины.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ

До начала XX в. повсеместно у коми и коми-пермяков одежду шили преимущественно из тканей домашнего производства: холста (белого и цветного – *пестряди*) и сукна. Холст (льняной и посконный) был значительно шире распространен у коми-пермяков и у коми, проживающих в южных районах (летские и вычегодские коми). На изготовление верхней одежды, помимо сукна, шли и полушерстяные ткани. Выделанные шкуры (коровьи, овечьи, оленьи), необработанные и дубленые, а также ровдуга и мех домашних и диких животных использовали при изготовлении обуви, ремней, шапок, шуб и промысловой одежды. Верхнюю одежду и обувь из оленьего меха шили в основном жители северных районов, расположенных по Печоре и Ижме, на Удоре, в верховьях Мезени и Выми. В этих местах наряду с меховой была широко распространена одежда из привозных тканей, которые доставлялись из центральных районов России. Например, в большом количестве холст, сукна, парчу и готовую одежду на Печору привозили из Пермской и Вятской губерний чердынские купцы, а в верховьях Мезени, на Ижму и Удору ткани (пестрядь,

сермяжные сукна, кумач, цветные шелка) доставляли из Архангельска, Пинеги и Великого Устюга.

Преимущественно у летских коми и коми-пермяков была распространена традиция плетения лаптей (*нинкӧм*) из березового и липового лыка. У летских коми праздничные лапти, одеваемые обычно на масленицу, обязательно плелись из более тонкого лыка разных пород деревьев и украшались на носке вставками из цветного материала. Береста у коми использовалась и для изготовления очелий девичьих и женских головных уборов. У удорских и вычегодских коми известны случаи изготовления из цельных пластов бересты лечебных корсетов для малолетних детей и больных людей. У летских коми зафиксирована традиция плетения из бересты ритуальной верхней одежды (головных уборов, кафтана и штанов), которая предназначалась для лечения больных и немощных пожилых людей. Современные летские коми сохраняют традицию плетения из бересты миниатюрных макетов различных элементов традиционной верхней одежды в качестве сувениров.

Детская одежда. У коми повседневная нижняя и верхняя наплечная детская одежда в основном повторяла по покрою одежду взрослых. До обретения способности самостоятельно ходить маленькие дети, независимо от пола, носили белые холщовые рубахи с подолом до колен или щиколоток. У печорских и ижемских коми после крещения ребенка его тело обвязывалось плетеным нешироким пояском (по структуре плетения напоминает гайтан для нательного креста), который носился под одеждой и никогда не снимался, даже в бане. В возрасте 2–3 лет мальчикам для выхода на улицу, за пределы жилой усадьбы, одевали белые или полосатые холщовые штаны и подпоясывали поверх рубахи тканым или плетеным пояском. Подростковый костюм мальчика состоял из холщовых некрашеной рубахи и белых либо сине-белых полосатых штанов (*гач*), длинных шерстяных чулок, украшенных полосой геометрического орнамента лишь по верхней кромке паголенка (*кузь сера чувки*). Подпоясывались подростки поверх рубахи узким плетеным или вязаным пояском, а на Удоре и Ижме – ремнем из сыромятной кожи. В холодное время года мальчики носили суконные шапки.

Традиционный повседневный наряд девочки состоял из белой холщовой рубахи, подпоясанной шерстяным цветным пояском (*вӧнь, ий*), однотонного платка (*чишьян*) или повязки (*головедеч*) на голове, узорчатых шерстяных или холщовых чулок, украшенных по паголенку браным узором (*сера дӧра чувки*), и низкой (без паголенка) легкой обуви из сыромятной кожи (*коты, чарки или уляди*). В возрасте 7–8 лет девочки начинали носить холщовые сарафаны, чаще темно-синего цвета. Считается, что малолетним детям больше к лицу белый цвет одежды, но ни в коем случае не пестрый и не красный, которые привлекают к ребенку нежелательные сторонние взгляды и подвергают его опасности сглаза. По традиции ижемских и удорских коми, девочки с 13–15 лет могли носить в качестве теплой одежды холщовые штаны. Однако практически повсеместно ношение девочками, девушками и женщинами мужских штанов в качестве повседневной одежды считалось грехом, и лишь в сильные зимние морозы девочкам и девушкам разрешалось надевать вместо штанов теплую женскую кофту или мужскую рубаху, просунув ноги в рукава и закрепив ее на поясе (*Слепчина,* 1998. С. 11).

Современные информанты подчеркивают некоторые специфические особенности в покрое и способах одевания традиционной повседневной одежды малолетних детей и подростков. До 3–5-летнего возраста у детей на рубахах, под мышками, не вшивался клин (*кумлӧс*) – отличительная особенность в покрое одежды взрослых. Интересна мотивировка отмеченной традиции: "Кумлӧс будет натирать подмышки ребенка", хотя в действительности подобные вставки под мышками делают рубаху более удобной. Соответственно, до недавнего времени в традиционных детских рубахах так же как и в погребальной одежде коми, сохранялись образцы хронологически более ранних вариантов покроя, относящихся к XVII–XVIII вв. (белая холщовая туникообразная по покрою рубаха, без вставных клиньев по бокам, с ши-

рокими прямыми рукавами, без воротника, с прямым разрезом по центру груди с тесемками-завязками). Детские пояса летских, вычегодских и сысольских коми отличались по декору от поясов взрослых однотонной цветовой гаммой. Они были в 2–3 раза короче по длине и никогда не украшались на концах пышными цветными кистями (*колля вӧнь*) – характерными атрибутами одежды молодежи, достигшей брачного возраста.

У ижемских и печорских коми верхняя меховая одежда для детей в возрасте до 1,5–2 лет обязательно шилась из цельной шкуры олененка – пыжика (*пежгу*). При этом рукава делались без сквозных отверстий для кистей рук; у ижемских коми к "двусторонней" малице (мехом внутрь и наружу) для детей в возрасте до 3 лет наглухо пришивались меховые рукавицы без большого пальца (считается, что в таких "беспалых рукавицах ребенку будет теплее"). Большой палец выделялся на меховых рукавицах, как правило, после того, как ребенок делал первые самостоятельные шаги и начинал говорить.

Существовали некоторые варианты обрядовой детской одежды, символически маркирующей определенные возрастные рубежи в развитии ребенка: в частности, *пернянь дӧрӧм, пинь дӧрӧм* – рубашки, которые дарили при совершении обряда крещения и при появлении первого зуба; оба типа обязательно шили из белого домотканого холста, с полами до колен, с широкими по локоть рукавами, без узоров и ворота, с вырезом на груди, двумя тесемками-завязками, без пуговиц. Ритуальная детская одежда сохранялась родителями наряду с последом (*рӧдиччан паськӧм*) до совершеннолетия детей и в ряде случаев рассматривалась в качестве оберега ребенка.

По традиции, в семьях у коми повседневную новую одежду для детей готовили обязательно накануне Пасхи. Обветшавшую детскую одежду ни в коем случае не выбрасывали и не отдавали посторонним людям, а либо вывешивали на сарае дома до полного истлевания, либо стелили на полати в доме в качестве постельного белья. Примечательно, что материал обветшавшей детской одежды никогда не использовался и для изготовления лоскутных покрывал, тканых и вязаных половиков. Взрослые очень строго следили за тем, чтобы девочки не изготовляли одежду для кукол из обрывков старой детской одежды. Считалось, что через одежду или ее фрагмент легко можно сглазить ребенка, который когда-либо носил эту одежду.

Мужская одежда. Традиционный мужской наряд коми и коми-пермяков состоял из рубахи (*дӧрӧм, йӧрнӧс*), верхних штанов (*гач*), кафтана (*дукӧс*) или шубы (*пась*). Туникообразную рубаху обычно шили из белого домотканого холста (*дӧра*) или пестряди. Праздничную рубаху шили из более тонкого холста или из фабричных тканей и украшали черно-красной вышивкой, полосками браного узорного тканья или узкими вставками кумача на груди, по вороту и на оборках рукавов. В.Н. Белицер отмечает, что по своему покрою мужская рубаха у коми имела некоторые отличия от традиционной русской косоворотки: более длинный подол (почти до колен), разрез на правой стороне груди либо в центре (у русских – слева), более широкие рукава. На рубахах старинного покроя у коми-пермяков ширина полотнища достигала 40–45 см, а длина рубахи была не менее 80–85 см. Боковые полотнища, прямые или слегка скошенные, пришивали к центральному. Изредка для удобства в подоле вставляли клинья. Рукава шили из одного полотнища, перегнутого вдоль (длиной 50–55 см). Под рукавами вшивали квадратные ластовицы, часто из кумача. Рубаху шили со стоячим воротником и без него. Носили такие рубахи всегда навыпуск, подпоясывая плетеным или тканым пояском (*вӧнь, йи*), завязывая узел на левом боку.

Нижние штаны (*порты, вешьян*), более широкие, чем верхние, шили из сурового холста, глухие, между штанинами вставляли два клина. Такие штаны закрепляли на поясе шнуром на вздержке – *гашнике*. По данным В.Н. Белицер, в XIX – начале XX в. в некоторых местах у коми пожилые мужчины носили летом белые порты и в качестве верхних штанов. Чаще же верхние штаны для лета шили из пестряди, синие в белую полоску, а для зимы – из домотканого и фабричного дешевого сукна.

По покрою верхние мужские штаны у коми близки к старинным образцам мужской одежды русского населения Вятской, Пермской и Вологодской губерний. Праздничные штаны шили из бумажного трико черного цвета. Они заправлялись в сшитые из холста или вязаные шерстяные чулки, обычно украшенные геометрическими узорами по всему паголенку.

В традиционном комплексе верхней наплечной мужской одежды коми В.Н. Белицер выделяет три основных типа, связанных с производственной деятельностью населения рассматриваемого региона. Первый тип характерен для земледельческих районов (Вычегда, Сысола, Луза). Шабур, сшитый из синего или сурового грубого холста, – летняя верхняя одежда, представлявшая собой длинную глухую рубаху с рукавами, бока которой состояли из четырех скошенных и сшитых между собой полотнищ; такой покрой делал ее более широкой в подоле. Для головы было прорезано отверстие, с краю которого иногда пришивали капюшон из холста (*юр кышöд*). Подобную одежду носили обычно в качестве рабочей и подпоясывали ремнем или бечевкой.

С наступлением осенних холодов мужчины надевали *дукöс* – кафтан, из домотканого сукна синего или белого цвета длиной до колен, с застежкой на левую сторону и длинными рукавами. В некоторых местах его называли *сукманом*. Шили дукöс, или сукман с отрезной спиной и со сборами на талии, подобно шабуру, в других случаях от талии шли расходящиеся фалды. Подобный вид одежды обычно носили охотники во время зимних и осенних промыслов. Коми-пермяки, жившие по верхней Каме и по Язьве, называли такую верхнюю одежду термином *гуня*. В качестве рабочей верхней одежды использовался сукман аналогичного покроя, но серого цвета. Коми-пермяки чаще в таких случаях носили глухой передник (*запон*) с рукавами, спереди представлявший собой рубаху туникообразного покроя длиной до колен. Сзади центральное полотнище доходило только до талии, а иногда имело разрез. Вырез для головы – круглый или треугольный. Никаких пуговиц, завязок и крючков у запона не было.

В.Н. Белицер отмечает, что термины, которыми у коми обозначали те или иные виды верхней наплечной одежды, не отличались устойчивостью. Часто один и тот же термин в различных районах применялся для обозначения разных видов одежды. Например, термином *шабур* вычегодские коми называли глухую рабочую блузу, а коми-пермяки, жившие в бассейне р. Иньвы, – кафтан, сшитый из холста, обычно синего цвета. Спину у этого шабура делали отрезной, а от талии шли многочисленные сборки, как в русской поддевке. Правая пола шабура запахивалась на левую сторону и застегивалась на два крючка. Воротник делали отложным, шалью. Шили шабур на холщовой белой подкладке. Зимой мужчины носили шубу из овчины (*пась*), нагольную или покрытую сукном. На Вычегде в это время года мужчины нередко надевали тулупы прямого покроя на меху неблюя (молодого оленя), также покрытые сукном.

Второй тип верхней наплечной мужской одежды – промысловый костюм охотников и рыболовов коми. Основная отличительная деталь его – прямоугольная короткая накидка с отверстием для головы – *лузан* (к.-з.), *лаз* (к.-п.). У печорских и удорских коми, а также на Язьве у коми-пермяков такие накидки изготовлялись из домотканого холста или из сукна размером 40×60 см. Для прочности лузан обшивался узкими сыромятными ремешками по краям, кожей на плечах, груди и спине, куда пришивалась петля для топора (*лаз козъян*). На подростковых промысловых накидках такой петли, как правило, не было. Некоторые охотники пришивали на левом плече лузана погончик для ружейного ремня, а справа на груди – карман для пуль. Иногда лузан полностью изготовлялся из кожи и лишь карманы шились из холста. Для зимней охоты незаменим был лузан с капюшоном, который делался отдельно и пришивался к краям головного отверстия. По сведениям Н.Д. Конакова, на Печоре лузан ткали из шерсти с помощью челнока-иглы на поперечном ткацком станке. Под полотнищем лузана сзади и спереди за счет подшивного холста образо-

Рис. 23. Ижемцы в совиках (слева – направо: первый и второй) и в шапке долгушке (третий). Фото У.Т. Сирелиуса. 1907 г.

вывались мешки-карманы, которые использовались во время переходов для хранения добытой дичи, шкурок зверей, а также необходимых охотнику принадлежностей. Высота нагрудного кармана была 15–20 см, задний карман (*лаз нон*) делался несколько больше (от 30 до 50 см). Для того чтобы задний карман не провисал от груза, у некоторых лузанов он прикреплялся за середину ремешком с петлей к застежке-палочке, пришитой немного выше края кармана. К нижнему концу нагрудной части (*лаз морӧс*) пришивался сыромятный ремень с пряжкой на правом боку или две завязки, по одной с каждой стороны, длиной около 1 м. Многие лузаны имели накладные кожаные или суконные "крылья", прикрывающие плечи. Лузан подпоясывался нередко и кожаным ремнем (*тасма*) с железной или медной пряжкой. Н.Д. Конаков и В.Н. Белицер отмечают, что аналогичный тип верхней охотничьей одежды характерен не только для коми. Он до настоящего времени широко известен у карел и русских Архангельской области, а также у хантов и манси Западной Сибири (*Конаков*, 1983. С. 51–53).

Третий тип – одежда оленевода, которая в прошлом была характерна главным образом для коми-ижемцев, а в первой половине XX в. получила распространение у печорских, удорских и вычегодских коми. В.Н. Белицер подчеркивает, что комплекс одежды из оленьего меха (*малица, совик, тобоки, пимы*) имеет очень древнее происхождение. Однако у коми указанные формы одежды распространяются лишь с XVI–XVII вв., что связано с развитием оленеводства и расселением коми в районах лесотундры по средней и нижней Печоре, Усе и Ижме (*Белицер*, 1958. С. 256–257). Основные названия этой одежды заимствованы коми у коренного оленеводческого населения тундры – ненцев (ср.: нен. 'мяльца', 'панд' и к.-з. 'малича', 'панды'). Оленеводы коми усовершенствовали некоторые детали в покрое и отделке одежды: ижемцы, в отличие от ненцев, не всегда пришивали к малице рукавицы (которые шились из камуса мехом наружу) и часто носили их отдельно; подол малицы деко-

рировался и одновременно укреплялся меховой опушкой (*панды*) шириной 15–20 см из летней шкуры оленя с более низким и плотным волосом; обязательным элементом малицы стал пришитый наглухо капюшон (*юра малича*) с опушкой из меха по краю и вшитыми замшевыми тесемками, позволяющими регулировать степень открытости лица. Известно, что у ненцев капюшон на малице получает широкое распространение лишь в конце XIX – начале XX в., да и то не во всех районах их расселения (*Конаков, Котов*, 1991. С. 128). У коми на изготовление малицы идет шкура неблюя, забитого после первой линьки. Капюшон для нее изготовляют из более тонкой блестящей шкуры пыжика (*пежгу*) – новорожденного олененка, забитого в мае. Причем капюшон шьется в два слоя – шерстью внутрь и наружу, как и детская малица. Для коми характерны малицы, стан которых кроится из двух прямоугольных шкур, между которыми по бокам вшиваются две шкуры меньшего размера, перегнутые по вертикали таким образом, чтобы малица удобно расширялась книзу.

Поверх повседневной малицы мужчины до сих пор носят сатиновый или хлопчатобумажный чехол-накидку (*малича кышед*, или *кышан*), в целом повторяющий по покрою малицу. Многие мужчины-ижемцы надевали суконные малицы, аналогичные по покрою меховым, в качестве осенней одежды. В крепкие морозы поверх малицы носят *парку*, сшитую мехом наружу из тонких шкур молодых телят. Раскрой ее такой же, как у ижемской малицы, только спинка парки кроилась вместе с затылочной частью капюшона из одной шкуры. Праздничная мужская парка обычно шилась из белого неблюя (*няровей, дон няровей*) и украшалась по подолу, на рукавах и на капюшоне меховой аппликацией, а также цветными суконными полосами. В осенние и весенние дни ижемцы носили парку из грубого сукна (*ной парка*). В очень сильные морозы оленеводы надевали совик, который шился подобно парке – мехом наружу, но из шкур взрослых оленей (*Грибова*, 1980. С. 121; *Конаков, Котов*, 1991. С. 128).

Традиционными головными уборами мужчин коми до первой четверти XX в. оставались валеные, суконные и меховые шапки различной формы – одни с низкой тульей и широкими полями, другие с высокой тульей и приподнятыми загнутыми кверху краями. Цвет этих головных уборов варьировал между оттенками черного, серого, коричневого и белого. Охотники носили суконные шапки двух видов: 1) "зырянки" в форме шлема с небольшой полоской сукна, спадающей сзади на шею, напоминающей матросские ленты; 2) с дном из пяти клиньев и оторочкой из зеленого сукна. Коми-ижемцы носили зимой меховые шапки-долгоушки из пыжика и неблюя, а население южных районов – вычегодские, летские коми и коми-пермяки – ушанки из овчины. В качестве летних головных уборов в XIX – начале XX в. использовались картузы и фуражки. Отправляясь летом на работу в лес, мужчины надевали накомарник (*номдӧра*) – специальный глухой капюшон из холста, закрывающий голову и шею, с открытым лицом. Такой же капюшон с сеткой из конского волоса на лицевой части носил название *ситка*.

Женская одежда. Для традиционной женской одежды коми и коми-пермяков характерен сарафанный комплекс севернорусского типа: рубаха с прямыми поликами, косоклинный и прямой сарафаны. Наиболее архаичные формы народной женской одежды – длинная холщовая рубаха и косоклинный сарафан (в основе своей имеет три прямых полотнища – два спереди и одно сзади – и четыре клина, вставленных по два по бокам) – до настоящего времени сохраняются в быту у старообрядцев-коми на Вычегде, верхней Печоре и Удоре. У коми-пермяков, ижемцев и сысольских коми уже в конце XIX в. преимущественное распространение получает прямой сарафан. Женщины и девушки по праздникам надевали под сарафан для пышности одну или несколько юбок, а нередко и старый сарафан.

По различиям в выборе покроя и материала, характеру убранства и соответствующим ареалам бытования современные исследователи условно выделяют несколько типов традиционного женского костюма коми: лузско-летский, коми-пермяцкий, верхневычегодский и нижневычегодский, вымский, ижемский и печорский,

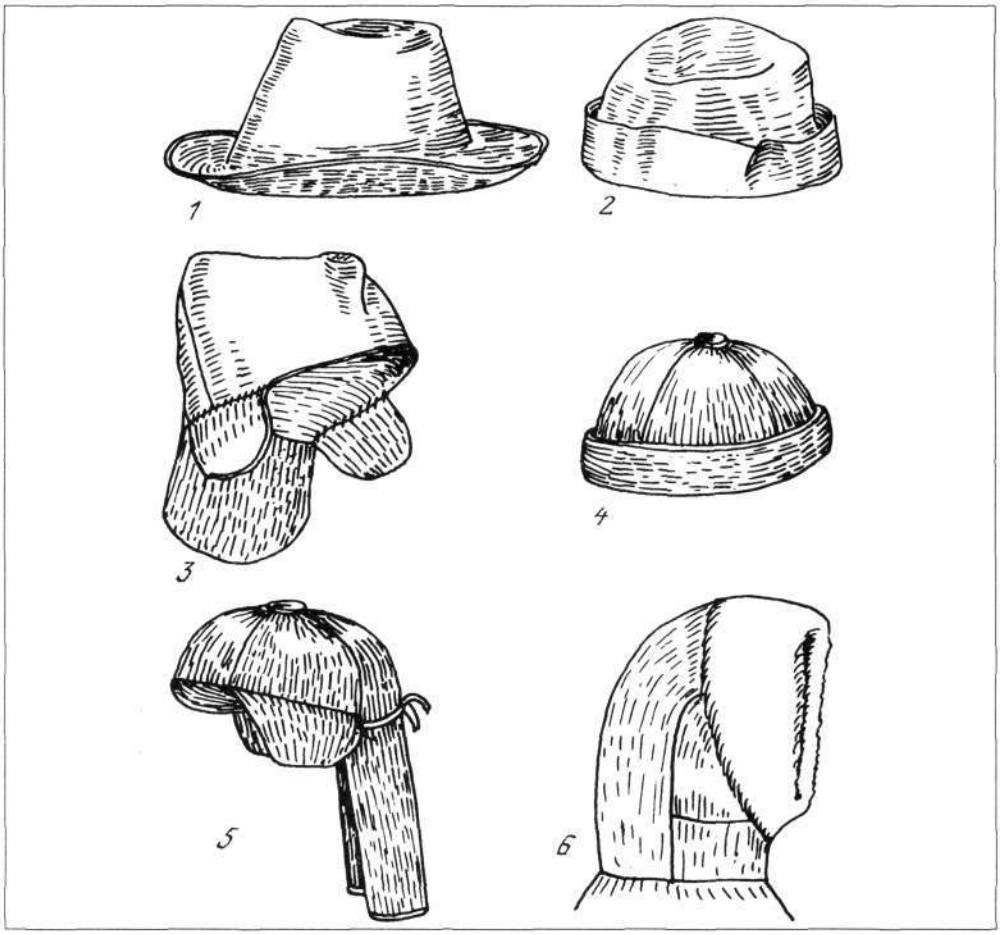

Рис. 24. Виды мужских головных уборов: *1* – валяная шляпа с полями, *2* – шапка (*ковпак*), *3* – охотничья шапка (*шлем*), *4* – колпак-пятиклинка, *5* – охотничья шапка (*кысян*), *6* – капюшон малицы. Рис. Т.С. Кольчуриной

удорский (вашкинский и мезенский) и сысольский (*Белицер,* 1958. С. 257–268; *Грибова*, 1980. С. 76–110; *Савельева, Грибова,* 1992. С. 11–15. Гл. Ткачество. Узорное вязание: рис. 55–60). Корректность предлагаемой типологии косвенно подтверждается тем, что ареалы бытования выделенных типов женского костюма территориально совпадают не только с распространением различных диалектов языка коми, но и с бытованием различных вариантов традиционного декорирования тканей (узорное вязание, вышивка, ткачество), характерных для определенных этнографических групп коми. Однако современные полевые исследования показывают, что и в рамках условно выделенных локальных типов женские костюмы коми значительно варьируются, если не по покрою, орнаментации и выбору материалов для изготовления, то хотя бы по способам одевания различных его составляющих костюма.

Основной элемент женского костюма – рубаха (*дӧрӧм*), верхняя часть которой (*сос*) шилась из пестряди, кумача или вышитого холста, а нижняя часть (*мыг*) – из более грубого белого холста. Она украшалась вставками из ткани контрастного цвета: *ластович* – на плечах и *кунлӧс* – под мышками. На груди, посередине, делали прямой разрез с застежкой у ворота на одну пуговицу. Ворот, подол и обшлага рукавов вышивались геометрическим или растительным орнаментом из красных,

реже – красных и черных ниток. Для Лузы и Летки характерны рубахи с трапециевидными поликами, выкроенными из холста или кумача. Основной массив вышитых узоров на летских женских рубахах сосредоточен на плечах, отсюда и местное название рубахи – *пельпома кӧрӧма*, (т.е. с плечами, присборенная).

Г.Н. Климова отмечает, что женская рубаха летских коми по целому ряду признаков сильно отличается от этого вида одежды у остальных этнографических групп коми. В конце XIX – начале XX в. для коми характерны женские рубахи туникообразного покроя с одним центральным полотнищем и рубаха северно-великорусского типа с прямыми поликами и широким присборенным воротом. В Прилузье и на нижней Вычегде рубахи украшались двухуточным браным ткачеством, при этом узоры располагались поперек плеча, по обшлагу рукава и иногда по подолу. Летская же рубаха по покрою относится к типу рубах с косыми поликами и близка к рубахам с косыми поликами, известным у русских Рязанской и Тульской губерний (*Климова*, 1977. С. 60). На Удоре и Ижме нередко носили по две рубахи – нижнюю, длинную, из белой ткани, и верхнюю, доходящую до талии, из парчи, на подкладе из сукна. Ворот, обшлага рукавов и подол рубахи отделывался браным красным узором или узкими полосками кумача. Поверх рубахи удорские женщины надевали косоклинные сарафаны двух типов: *кунтей* – из синей холщовой ткани с набивным растительным орнаментом и *штофник* – из покупного сатина, шелка или парчи на суровом холщовом подкладе. По переднему шву косоклинных сарафанов сверху донизу нашивались металлические пуговицы, серебряный и золотой позумент. По подолу сарафан украшался двумя-тремя рядами кружевных полос (*прӧшва*). Поддерживался сарафан с помощью лифа, который сзади делали вырезным, а спереди пришивным. Удорские женщины нередко поверх сарафана носили сильно приталенную кофту с широкими фалдами (*гырка кофта*) из шелка или сатина. На верхней Вычегде женщины носили шушун – косоклинный сарафан из пестряди (праздничный), домотканого холста синего цвета или набойки (повседневный). Спереди у шушуна имелся шов, по обе стороны которого пришивалась тесьма, а посередине – пуговицы. Из фабричных тканей (ситца, сатина, кашемира) вычегодские коми шили *кӧрӧма шушун* – сборчатый на груди и на спине.

В селениях на средней Вычегде и по верхней Печоре носили косоклинные сарафаны из фабричной ткани – *китайки*. Такие сарафаны шили обычно без складок, на суровой холщовой подкладке, поэтому они были очень тяжелыми. Поверх сарафана вычегодские женщины надевали "нарковник" – короткую распашную кофту из шелка или цветного кашемира на ситцевом подкладе, без застежек и воротника, с широкими рукавами, собранными в сборку у запястья. На талии подвязывался белый передник – *водздӧра* – из хлопчатобумажной ткани, вышитый растительным или геометрическим орнаментом по подолу. На Ижме бытовал праздничный штофник из парчи и шелка – такого же покроя, как и китайник. Под влиянием русского населения Архангельской губернии у ижемцев широкое распространение получили сарафаны прямого покроя из шелка. Девушки из богатых ижемских семей имели до 10 и более шелковых прямых сарафанов (*Белицер*, 1958. С. 255–266). Для сысольских коми наиболее характерны ситцевые, сатиновые и кашемировые сарафаны прямого покроя двух типов: на лямках и с лифом или корсажем. Первый тип представлял собой складчатую юбку со вздержкой. На подоле такого сарафана нашивали несколько полос контрастного цвета, кружева или бахрому. Второй тип прямого сарафана шили из одного поперечного куска ткани на холщовом подкладе. Корсаж закладывали в мягкую складку и затягивали спереди с помощью двух железных крючков. Спереди прямой сарафан на лямках – *кӧӧ (кӧвъя) платьӧ* – не имел продольного шва и этим также отличался от клинника. Ширина сарафана в подоле достигала 4 м. Прямой сарафан всегда подпоясывали пояском или поверх сарафана надевали запон – хлопчатобумажный передник без нагрудника, вышитый по всей поверхности растительным орнаментом или двумя широкими полосами по подолу.

Коми-пермяцкие женщины традиционно носили *дубас* – косоклинный сарафан, который шили из крашеного холста и набойки, на лямках, из трех прямых полотнищ и нескольких клиньев. Перед его состоит обычно из двух прямых полотнищ, соединенных посередине швом, а спина – из одного прямого полотнища и четырех клиньев (по два с каждой стороны). Спереди дубас гладкий, без складок, иногда на вздержке, а сзади заложен в плотную мелкую складку. Лямки и верхний край дубаса обшивают кумачом или цветным ситцем. У язьвинских коми-старообрядцев дубасы имели несколько иной покрой и назывались *клинниками;* их шили длиннее, чем дубасы, а надевали значительно выше. Лямки у клинника были не пришивные, а составляли единое целое с полотнищем сарафана. Спереди клинник состоял из двух полотнищ и двух клиньев, сзади вверху клинья сходили на нет, а книзу расширялись. У зюздинских коми-пермяков близкая по покрою женская домашняя наплечная одежда шилась из домотканой клетчатой пестряди и называлась *пестрядинником*. Перед его делали из двух прямых полотнищ и слегка собирали вверху так, чтобы продольный шов приходился на середину. Спину также сшивали из двух полотнищ, вставляя по бокам по два клина. На спине ткань закладывали в мелкую складку, к подолу она расходилась, образовывая крупные фалды. Пестрядинник поддерживался на груди посредством пришивных лямок (Там же. С. 263–264).

Женские головные уборы коми различались по возрастному принципу. Девичьи головные уборы, как правило, изготовлялись в форме открытого очелья или повязки, облегавшей голову и оставлявшей неприкрытыми волосы на затылке. В Прилузье и на Вычегде девушки носили *гӧлӧведеч* – венчик на берестяной основе, обтянутый красным сукном и вышитый разноцветным бисером. Иногда декор его дополнялся металлическими цепочками. Сзади головедеч и повязку украшали 6–12 цветными лентами, которые собирались на головном уборе в единый пучок и ниспадали по спине до пояса. Летская девушка, достигшая 16 лет, впервые одевала головедеч на Пасху и впоследствии носила в летнее время года. В последний раз она надевала такой головной убор при венчании в церкви, где крестная мать снимала его с головы невесты. На Удоре девичьим праздничным головным убором была парчовая повязка (*алӧй шӧвка,* или *барсӧвӧй* от) шириной до 20 см, которая застегивалась сзади на пуговицу. На голове она имела вид цилиндра без дна. Сзади к повязке прикреплялись цветные ленты и шелковые кисти. В одних деревнях у язьвинских девушек-коми-пермячек подобная повязка называлась *лопшанка*, в других – *хаас*. У вымских коми традиционным девичьим головным убором в начале XX в. была *ситка* (сетка) – сплетенный из ниток круглый чепец, украшенный бусами и лентами. Его надевали по праздникам, главным образом на Рождество и во время святочных игр. Головной убор девушек-ижемок *ныв юр* представлял собой налобную повязку из сложенного в узкую полоску платка, завязанного на затылке.

Довольно разнообразны свадебные головные уборы у коми. По свидетельствам информантов, в прошлом у ижемских коми в ходе свадьбы невеста меняла до пяти различных головных уборов. Накануне свадьбы, после ритуального омовения в бане и снятия с головы ижемской невесты ныв юр на ее распущенные волосы надевали *юрной* – очелье без дна, обтянутое красным сукном, вышитое бисером и украшенное мехом (чтобы уберечь красу девушки от сглаза). В районе верхней Вычегды за два-три дня до свадьбы невеста надевала головной убор, который имел вид трапеции с двумя крыльями по бокам, к которым прикреплялись завязки. Поверх него накидывался шелковый платок, угол которого закрывал почти все лицо. Этот головной убор снимала *вежань* – крестная мать невесты – перед самым отъездом в церковь для венчания и надевала вместо него *сборник* – головной убор замужней женщины (Там же. С. 272).

Повсеместно у коми замужние женщины заплетали волосы в две косы, укладывая их вокруг головы, и покрывали голову повойником (*юртыр, бабаюр, пӧвӧйник, вӧлӧсник*) – специальным чепцом на мягкой основе. На Выми и в Прилузье замуж-

ние нередко носили на голове в качестве повойника красную косынку, завязанную на затылке. У вымских коми до настоящего времени говорят: "Замужняя женщина без красной повязки на голове все равно, что церковь без главы". Традиционно у женщин коми было принято собирать расчесанные волосы и наматывать их на жесткий валик повойника, чтобы приподнять переднюю часть убора и прическу. Пожилые, утратившие пышность волос, нередко увеличивали объем валика льняными очесами, тканью или бумагой. Вместе с тем и сам повойник служил основой для надевания других головных уборов. Перед выходом на улицу или прибытием гостей женщина надевала поверх волосника платок или иные головные уборы, которые полностью прикрывали волосы.

В.Н. Белицер выделяет две основных группы головных уборов замужних женщин у коми: на мягкой и на твердой основе. Первые представляли собой различного рода вышитые повязки: *треюк* или *ӧшувка* (Ижма), *юркӧртӧд* или *сорока* (Прилузье, Сысола). Праздничный головной убор треюк шился из парчи на коленкоровом или сатиновом подкладе и имел прямоугольную форму. Затылочная часть его была значительно длиннее налобной. Укрепляли треюк на голове посредством завязок, пришитых по углам. Сзади к нему пришивали две шелковые ленты. Треюк покрывали шелковым платком с бахромой (*сырья чышъян*). Сорока – это повседневная мягкая повязка с вышитым очельем-налобником и двумя боковыми крыльями – завязками и хвостом, который покрывал затылок.

Г.Н. Климова подчеркивает несомненную однотипность в технике декорирования летских сорок с аналогичными головными уборами у марийцев. Техника вышивки летских коми не имеет аналогов в орнаментальном текстиле других этнографических групп коми, однако по композиционному расположению узоров (широкими сплошными бордюрами) она очень близка к браному ткачеству вычегодских, вымских и сысольских коми. Не исключено, что мастерицы, не владевшие техникой браного ткачества, старались воспроизводить в вышивке орнаментальные мотивы, характерные для ткачества.

Головные уборы на твердой основе: *сборник* (Вычегда, верхняя Печора), *самшура* и кокошник (Печора, Вычегда, Вымь, Язьва). Сборник имел коническую форму и состоял из мягкого чепца и твердого околышка. На лобную часть его повязывали "патку" – платок, сложенный в виде полосы. Сверху сборник прикрывался большим платком – *чишъян от*, концы которого закалывались под подбородком. Самшура – чепец неправильной трапециевидной формы, сшитый из кумача, с твердым дном, по краям обшит твердым валиком. В первый раз женщина надевала самшуру после венца в церкви. При выходе из дома поверх нее надевали платок, концы которого завязывали под подбородком. Кокошник представлял собой чепец, сшитый из кумача, на холщовой подкладке. В нижний край его были вздернуты завязки, с помощью которых кокошник и укреплялся на голове. Спереди у чепца имелось твердое очелье в форме полукруга, обшитое кумачом с украшениями из пуговиц, мишуры, разного жемчуга и бисера. Кокошник носили, низко надвигая на лоб или сдвигая на затылок, чтобы открывать лоб и пробор. Поверх кокошника, как и поверх самшуры, повязывали платок. Дома и летом на полевых работах женщины носили кокошник без платка. Молодые коми-пермячки, жившие по р. Язьве, до рождения первого ребенка носили на лбу вместе с кокошником "принизку" – полоску кумача с нашитыми на нее бусинами и бисером. Женщины носили кокошник и самшуру вплоть до смерти, последняя была на голове покойницы и в гробу.

На головных уборах у ижемских коми встречается вышивка, выполненная цветным бисером, серебряными и золотыми нитями.

Верхняя женская одежда у коми была близка по покрою к мужской. В качестве рабочей одежды носили *шабур*, ничем не отличавшийся от мужского. Повсеместно был распространен холщовый кафтан, аналогиный по покрою мужскому, но только несколько короче и шире в подоле. Женскую шубу (*пась*) шили прямого покроя из дубленых желтых овчин. Меховая одежда коми-ижемок (малица) отличалась от

Рис. 25. Некоторые виды традиционной обуви коми: *1* – лапти (*нинкӧм*), *2* – зимняя обувь охотника (*кӧм*), *3* – обувь промысловика (*бакилӧ*), *4* – суконные сапоги с валяной головкой (*шшим*), *5* – меховые сапоги (*пимы*), *6* – суконные сапоги с меховой головкой (*кыс*). Рис. Т.С. Кольчуриной

мужской более изысканным декором на подоле, меховой оборкой и яркими украшениями из меховой мозаики и сукна на капюшоне и рукавах.

Традиционная обувь. Мужская и женская обувь у коми почти не различалась по покрою. В зимнее время носили валяную обувь (*тюни, катанки, шшим*) – валяные головки с пришитыми суконными или холщовыми голенищами. В северных районах зимой носили *тӧбӧки* – сапоги высотой 40 см из оленьего меха ворсом наружу, *пимы* – сапоги с голенищем выше колен, также сшитые из оленьего меха ворсом наружу. В качестве весенней и осенней обуви оленеводы коми использовали *кисы*, головка которых была сшита из оленьего камуса, а голенища высотой до 20 см – из сукна или кожи. Охотники и рыболовы во время промысла пользовались специальной обувью: осенью это были кожаные сапоги с длинным голенищем (*бакилӧ*), а зимой – особые лыжные ботинки (*лызь кӧм*), которые шились из одного куска тонкой сыромятной кожи в виде грубых башмаков с загнутыми носками. Низкую кожаную

обувь носили с длинными шерстяными узорчатыми чулками (*кузь сера чувки*), которые завязывались под коленом специальными тесемками, меховую – с меховыми чулками (*липты*), которые шились мехом внутрь.

Женская меховая обувь отличалась от мужской цветом и орнаментальными композициями. Так, мужские пимы у современных ижемцев изготовляются из темного меха с белой лицевой полосой на паголенке; для покроя женских пим характерно комбинирование темных и светлых оттенков по всему паголенку; обязательный элемент орнаментальной композиции на женских пимах – *водз пиэк сер* (треугольники из меха контрастного цвета на пятке и лицевой стороне паголенка); на лицевой части мужских пим обозначаются лишь две параллельные полосы (*прöстэ тшупед*) – нижняя и верхняя; головка женских пим нередко украшается по бокам меховой геометрической аппликацией.

Летом и осенью носили поршни (*чуктöм, чарки*), сшитые из сыромятной кожи и стягиваемые у щиколотки ремешком, коты (*кöтi*) – кожаную обувь с невысоким суконным голенищем. Такую обувь надевали поверх холщовых портянок или шерстяных узорчатых чулок. На Лузе и Вычегде носили лапти (*нинкöм*), плетенные из бересты и липового лыка. Коми-пермяки надевали лапти с "опушнем" из холста. До начала XX в. у коми были широко распространены самодельные холщовые и суконные чулки (*чöрöс*) без пятки, которые в прошлом были обязательным атрибутом погребального наряда.

Необходимую часть мужского и женского традиционного костюма составляли рукавицы и перчатки – кожаные, матерчатые, меховые и вязанные из разноцветной шерсти и хлопчатобумажных ниток. Издавна распространены у коми *пон кушенча* – рукавицы из собачьего меха, сшитые шерстью наружу, а также *вачеги* – рабочие рукавицы из холста или сукна, для прочности обшитые сверху сыромятной кожей. У ижемских коми кожаные перчатки, покрытые бархатом, вышивали серебряными и золотыми нитями. Повсеместно у коми до настоящего времени носят вязаные узорные шерстяные рукавицы – *сера кепысь* и перчатки – *чуня кепысь* (*Климова,* 1978; *Белицер*, 1958. С. 251–252). Наиболее характерна для коми техника узорного вязания разноцветными шерстяными (изредка льняными) нитями на пяти спицах.

Согласно исследованиям Г.Н. Климовой, набор орнаментальных мотивов, цветовая гамма узоров на традиционных вязаных изделиях коми (чулках, рукавицах, перчатках, запястьях – *сой дор, сой сос*, наколенниках – *пидзöс кыскöд*) различались не только по районам бытования, но и по принадлежности к определенным полу и возрасту. Например, на подростковых вязаных чулках украшается только верхняя часть паголенка чулка. На мужских эта часть всегда украшается семиричными бордюрами, а внизу – сетчатым или каким-либо другим узором. На женских чулках сетчатый узор может располагаться и в верхней части паголенка. Чулки с орнаментом в поперечную полосу по всему полю паголенка чаще носили пожилые женщины. До сих пор среди коми соблюдается запрет на обряжение покойного в вязаные чулки с орнаментальным мотивом косого креста.

Различались узоры на будничной и праздничной вязаной одежде: повседневные варежки, как правило, украшались сетчатым двухцветным (черный и белый) узором, праздничные – более сложными, многоцветными узорами, состоящими из нескольких орнаментальных мотивов. Вязаную одежду без узоров носили очень редко, поскольку вязка из нескольких цветных нитей получалась толще. Вместе с тем узорчатая одежда всегда выглядела более нарядно. Отметим, что до настоящего времени в селениях у коми среди женщин преимущественно пожилого возраста сохраняется традиция определения места происхождения того или иного человека по узору на его вязаной одежде.

Одежда играла в поверьях коми большую роль. Характерное для традиционного мировоззрения народа восприятие одежды как покрова, оболочки и одновременно следа и тени человека достаточно наглядно представлено в обобщенном назва-

нии одежды коми – *паськöм*. С точки зрения лингвистов В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева, в сложносоставном слове "паськöм" отражено понятие комплекса одежды (*пась* – "шуба") и обуви (*кöм* – "охотничья кожаная обувь"), как и в хантыйском слове *сахнир* (*сах* – тип верхней распашной одежды и *нир* – род кожаной обуви), обозначающем одежду в целом (*Лыткин, Гуляев,* 1970). Интересно, что у коми словом "паськöм" называют и послед (оболочку, след) новорожденного (ср.: у русских послед метафорически сравнивают с определенным элементом одежды и называют "пеленкой", "рубашкой" или "сорочкой"). О ребенке, родившемся без "сорочки", у коми скажут *пасьтöм кага* (букв. "без одежды, раздетый ребенок").

По материалам В.П. Налимова, в прошлом у матери хранили *рöдиччан паськöм* своего младенца до момента выхода дочери замуж или ухода навсегда из отчего дома повзрослевшего сына – "иначе счастья не будет" (Архив Финно-Угорского общества. Хельсинки. – Suomalais-Ugrilainen Seura. 1908, 1.1.38). Послед новорожденного, как и вся одежда, носимая человеком в течение жизни, считались неразрывно связанными с ним и его судьбой. Показательно в рассматриваемом плане универсальное для многих народов осмысление символики домотканого полотна (к.-з. *дöра* – холст) – основного материала для изготовления одежды – как "покрова", "защиты" человека и одновременно метафоры "пути-дороги", "судьбы" человека (*Уляшев,* 1993). Можно сравнить метафорический ряд, встречающийся в загадке коми:" *Вöрö каö – дöра вольсалö, а вöрысь лэччэ – дöра вотъе* ("В лес идет – холст стелет, из лесу идет – холст мотает").

У коми говорят, что одежда подобна *вуджöр* (тень-оберег) человека. Традиционно выражением *пасьтöм морт* (букв. "человек без одежды") характеризует не только раздетого, но и обессиленного, больного человека, о котором могут также сказать: *вуджöрыс абу,* т.е. "нет у него тени-оберега". Не случайно, в прошлом ношение рваной одежды воспринималось не только как нарушение норм традиционного этикета, но и считалось опасным для человека. Согласно поверьям, повреждение или потеря одежды может предвещать несчастье или болезнь для ее владельца. Примечательно, что и здорового человека у коми традиционно характеризуют словом *дзоньвидза*, т.е. целый, невредимый (букв. "целость сохраняющий").

Считается, что можно легко подвергнуть порче человека через определенное воздействие на его одежду. У прилузских коми говорят, что можно обезопасить себя от колдуна или снять порчу, насланную им, если тайно от него сжечь фрагмент его одежды. По данным А.С. Сидорова, у коми существовал специальный колдовской прием под названием *дöрöм гуöм* (букв. "воровство рубашки"): у женщины старались украсть рубашку со следами месячных выделений, чтобы затем поместить ее в расщелину скрипучего дерева. Полагали, что после этого владелица рубашки будет хронически болеть и "скрипеть" подобно этому дереву (*Сидоров*, 1928. С. 47). По поверьям, с помощью собственной одежды можно избавиться от недуга. У ижемских коми считается, что больному или его родственникам необходимо отнести "одежду с болезнью или порчей" в лес и повесить на ствол осины или любого засыхающего дерева. До настоящего времени у ижемских и удорских коми сохраняется традиция оставлять по завету одежду (ее фрагмент) больного человека в качестве приклада на обетном кресте. У прилузских коми в целях избавления от болезни рубаху либо после бани забрасывали на вершину куста, "чтобы сороки унесли", либо сжигали на костре с произнесением определенных заговоров. У печорских коми для снятия сглаза с ребенка брали его невыстиранную рубашку (а значит, сохраняющую в себе дух и одновременно болезнь ребенка), смачивали ее ворот в проточной воде, протирали 3 раза этим воротом глаза ребенка, а затем выжимали воду из рубашки в тарелку и выплескивали ее через левую руку со словами: *Мый тэ гöрин, кöдзин, мöд ставыс аслыд лоö* ("Что ты сбороновал-посеял, то пусть тебе самому и будет").

Повсеместно бытует представление, что избавиться от болезни можно, "передав" ее другому человеку вместе со своей одеждой. В прошлом у коми категорически запрещалось отдавать посторонним одежду даже во временное пользование. Человека, не соблюдавшего этот запрет, с упреком спрашивали: "Умереть что ли собрался?" По этой же причине обветшавшую одежду никогда не выбрасывали, а вывешивали на чердаке или в сарае дома до полного истлевания. Человека, который проявлял чрезмерное упорство в стремлении получить чью-либо одежду, как правило, подозревали в желании навести порчу на ее владельца. В целях предупреждения возможной порчи или сглаза через одежду предписывалось ее сжечь. До сих пор музейные работники сталкиваются с этой проблемой при сборе экспонатов. У ижемских коми считается, что лишь замужняя женщина может отдать на время некоторые элементы своего свадебного наряда для невесты, которая приходится ей близкой родственницей или крестницей. По традиции, широко бытующей у коми до настоящего времени, пожилые люди лишь накануне ухода в мир иной раздают близким и знакомым часть личной одежды (женщины, как правило, дарят в этом случае часть головных платков) "на помин своей души после смерти".

Особенно бережно сохранялась одежда, связанная с определенными рубежными этапами в жизни человека: *пинь дӧрӧм* – подарок ребенку во время прорезания первых зубов, *пернянь дӧрӧм* – рубашка, которую дарила крестная при совершении обряда крещения; у керчемских коми зафиксирована традиция сохранения *сьӧд дӧрем*, или *гӧрд няйт дӧрӧм*, – девичьей нижней рубахи со следами от первой менструации; каждой женщиной бережно сохранялся свадебный наряд, который, по поверьям, обладал особой магической силой. Полагали, что изгнать из дома нечистую силу может только хозяйка, надевшая свой свадебный сарафан (Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 55. Л. 47). Эффективным оберегом считалась и одежда, полученная человеком в качестве ритуальных подарков. В ходе похорон у удорских коми родственники умершего передавали мастерам, изготовлявшим гроб, *сунис пасма* – связанные вместе поясок-подвязку красного цвета и пучок необработанных льняных нитей. Аналогичный синий поясок, но без пучка нитей дарила мать новорожденного гостям, пришедшим на роди́ны или крестины. У вычегодских коми невеста в первый день свадьбы дарила отцу и крестному жениха *чышъян вӧнь* – узорчатую ширинку, укрепленную на петле из сложенного вдвое мужского тканого пояса с кистями (Опись коллекции, приобретенной М.А. Браун во время экспедиции в Коми АССР в 1967 г. Государственный музей этнографии народов России). Подчеркнем, что в обоих случаях дарились пояса, завязанные петлей или узлом. Повсеместно у коми обрядовые и повседневные пояса полагалось хранить, завязав их предварительно узлом или петлей – не надетый и развязанный пояс мог восприниматься окружающими как знак пожелания кому-либо болезни или смерти.

В отличие от повседневной, праздничную и обрядовую одежду запрещалось стирать – раз в год (летом) ее выветривали на солнце, либо выпаривали над каменкой в бане. Соблюдались определенные запреты и при стирке повседневной одежды: нельзя стирать вместе с мужской и детской одеждой женские наряды – у мужчин не будет удачи в охотничьем промысле, а дети могут заболеть. По поверьям, наряд любой взрослой женщины пропитан *неж*, воздействие которого лишает одежду свойства оберега. О супругах, не меняющих нижнее белье после совместной ночи, говорят: "Их одежда осталась без вуджӧра". Магической силой наделялось и мужское нижнее белье (*дӧрӧм-гач, йӧрдӧс-гач*): для женщин хорошим оберегом считались мужские кальсоны, а также подвязка от них. Известно, что в прошлом женщины коми носили мужское нижнее белье в качестве ритуальной защиты в период месячных. Нередко мужские кальсоны применялись в качестве магического средства для повышения плодовитости скота (ими хлестали корову, чтобы та принесла приплод). По материалам В.П. Налимова, у вычегодских коми умершей вдове обязательно клали в гроб кальсоны и рубаху ее покойного мужа (Архив Финно-Угорского общества. Хельсинки. – Suomalais–Ugrilainen Seura. 1908, 1.1.38).

Одежда, нажитая супругами совместно, считалась оберегом не только каждого из них в отдельности, но и их взаимной привязанности. Полагали, что можно легко разрушить эту связь, если повредить одежду жены или незаметно встряхнуть рубаху мужа, пока он моется в бане. У коми символом супружеской связи выступает платок, за концы которого молодые держались в ходе венчания (*Плесовский,* 1968. С. 45; *Смирнов,* 1891. С. 217–218; *Уляшев*, 1993). После смерти одного из супругов этот платок разрывается пополам: одна его половина кладется в гроб усопшего, а другая хранится у вдовы (или вдовца) до ухода ее (его) в мир иной (Архив Финно-Угорского общества. Хельсинки. – Suomalais-Ugrilainen Seura. 1908, 1.1.38). В качестве символической гарантии верности будущего мужа подруги невесты дарили молодому специальные "жениховы брюки", штанины которых сшивались вместе (*Плесовский,* 1968. С. 77). Анализ фольклорных и обрядовых текстов коми показывает, что одежда могла осмысляться и как символическая мера человека, фиксирующая его переход в определенное социально-возрастное и физическое состояние (крещеный/некрещеный, женатый/неженатый, здоровый/больной, живой/мертвый).

Традиционное восприятие одежды как тени-оберега человека во многом определяло строгое соблюдение запретов, связанных с порядком каждодневного ее надевания, ношения и хранения. До настоящего времени соблюдается определенная последовательность в надевании различных элементов комплекса одежды. Считается, что нарушение этого порядка чревато различными неприятностями для человека в течение дня. Не менее строго соблюдался и порядок снятия одежды перед сном. Так, сарафан предписывалось обязательно снимать с себя наизнанку и через голову, а через ноги снимать – грех, "так только у покойника снимают". Хранить сарафан, вывернутый наизнанку, можно лишь в сундуке – "если оставишь такой сарафан на ночь неукрытым, его потом черти будут носить". По этой же причине повседневно носимую одежду, снятую на ночь, всегда оставляли не вывернутой наизнанку. О том, кто не снимает на ночь одежду, у печорских коми неодобрительно говорят: "Так спят только покойники". У сысольских коми о человеке, который притворился уснувшим в одежде, скажут: *Паськӧмыс (дӧрӧмыс) сӧмын узьӧ*, т.е. "У него одежда (рубашка) только спит". Любое переодевание в течение суток порицалось, поскольку воспринималось окружающими как *тунавны,* колдовство, ворожба. Женщины, надевая с утра сарафан, старались не снимать его в течение дня, а при необходимости надевали другую одежду поверх него. Если охотник, собираясь на промысел, забывал что-либо надеть на себя сразу, то не переодевался второй раз дома, а брал забытую одежду с собой и надевал ее на себя только дойдя до лесной избушки – иначе не будет удачи на охоте. Лишь в период праздников не возбранялось многократное переодевание в течение дня в разную одежду, хотя многие женщины и в этом случае надевали сразу по два–три сарафана, один под другой, и таким же образом несколько юбок – для пышности наряда.

В сказочном фольклоре и поверьях коми магической силой наделяется не только одежда в целом, но и отдельные ее элементы. Бытует мнение, что с помощью варежки можно легко определить, найдется украденная вещь или нет: если подброшенная вверх рукавица упадет на землю большим пальцем кверху, значит, пропажа вскоре обнаружится (*Смирнов*, 1891. С. 287). Узорчатая перчатка, подоткнутая за пояс в летнее время, считается лучшим оберегом от мошкары и комаров. Согласно фольклорным текстам коми, вся сила легендарной чуди заключалась в чудесной шапке, а сила злого колдуна – в его черном платке (*Оласӧ да Вӧласӧ*, 1990. С. 41). Традиционно считается, что у человека можно легко спровоцировать головную боль, если подбросить вверх несколько раз его шапку или покрутить ее у себя на руке.

В традиционном мировоззрении многих финно-угорских народов одежда осмысляется и как образ конкретного человека. О бытовании аналогичных представлений у коми свидетельствует ряд поверий и запретов, связанных с одеждой: рубаш-

ку живого человека нельзя вешать на веревку для сушки, развернув грудью вверх "как у покойного"; для того чтобы снять с младенца порчу, достаточно совершить магические процедуры над свертком из его пеленок и одежды; у человека можно вызвать болезнь того или иного органа, если на его нестиранной одежде вырезать круглое отверстие, соответствующее местоположению определенного органа человеческого организма. Личную повседневную одежду, снимая на ночь, всегда вешали строго определенным образом, чтобы случайно не спровоцировать у себя болезнь и недомогание. Для длительного хранения наряды складывали особенно аккуратно ("лист да пласт"), вывернув предварительно наизнанку, и прятали в недоступное для посторонних взглядов место.

Для сказочного фольклора коми типичен мотив превращения предметов домашней утвари в мнимый образ конкретного человека с помощью его личной одежды (например, обряжение ступы в сарафан девочки, спасающейся от преследования медведя) (*Оласӧ да Вӧласӧ*, 1990. С. 21). Согласно поверьям коми, колдун, снявший свою одежду и перекувырнувшийся под стволом изогнутого дерева для превращения в зверя, навсегда рискует расстаться с человеческим обликом, если кому-либо удастся при этом похитить его одежду (*Сидоров*, 1928). Показательны в этом плане запреты, связанные с погребальной одеждой (*кулӧм паськӧм*): нельзя примерять или показывать на себе, как одевают погребальный наряд – это приведет к чьей-либо скорой смерти. У печорских коми говорят, что "показывать кому-то собственную кулӧм паськӧм – дразнить смерть". Случаи, когда пожилые люди надевали на себя в ходе календарных праздников или на чьи-либо поминки приготовленную для погребения одежду, однозначно расценивались окружающими как стремление человека поскорее уйти в мир иной. Небезопасным для жизни человека считалось и ритуальное переодевание в "наряд" покойного для участия в святочных гаданиях.

Представления о непосредственной связи души усопшего с его одеждой нашли отражение в целом ряде поверий коми: нельзя оставлять завязанными узлы на одежде погребаемого (на поясе, головном платке, обуви и гайтане нательного креста) – "иначе душу покойного завяжешь" и покойник будет часто тревожить живых в их снах; если долго не стирать одежду и белье, в которых умирал человек, то душа покойного будет страдать; нельзя обряжать покойного в цветную, узорчатую одежду – "иначе его душа не сможет обрести покой и будет ходить по воде и ждать, пока платье вылиняет, а значит, полегчает". Традицию подготовки для себя погребальной одежды, которая обязательно шьется без узлов на швах, вероятно, можно трактовать и как стремление облегчить предстоящий исход души. По данным А.С. Сидорова, аналогичным образом (без единого узелка) шьется ритуальная одежда и для женщины, желающей изгнать из своего тела *шеву* (нервное заболевание, связанное с верой в порчу). Примечателен и тот факт, что современные женщины, жаждущие избавления от шевы, совершают омовение в священных источниках обнаженными, после чего облачаются в совершенно новую одежду.

Наряду с соблюдением запрета обряжать покойного в узорчатую одежду, у коми до настоящего времени не принято носить такую одежду, некогда принадлежавшую покойному. Одежду умершего человека, полученную участниками похорон в подарок "на помин души", использовали в качестве оберега (ср. метафорическое название одежды, которую выкладывают на гроб усопшего для участников похорон: у вычегодских коми – *вой тӧӧ саед*, букв. "укрытие, защита от северного ветра") и, как правило, хранили до полного истлевания на чердаке дома. В поверьях многих народов одежда, приготовленная для покойного, наделяется магической силой воздействия на живых. У удмуртов считается, что человек, надевший на себя "покойницкую" рубаху, может стать невидимым для окружающих в ином мире. У коми говорят, что даже с помощью нити, взятой с погребальной рубахи, можно легко успокоить самого буйного человека. Бытует мнение, что можно и легко погубить человека, если надеть на него рубаху, сшитую иглой, которой пользовались при изгото-

влении элементов погребальной одежды. Смертельно опасным для живого человека является обряжение в рубаху с покойника (Архив Финно-Угорского общества. Хельсинки. – Suomalais-Ugrilainen Seura. 1908, 1.1.38).

В традиционном мировоззрении коми одежда отчетливо связывается с представлениями о душе и тени-обереге человека. При этом она осмысляется не только как покров человека от физического воздействия, но и как защита тела, разума и воли ее владельца от возможного злого умысла со стороны постороннего человека, колдуна или нечистой силы. В ритуалах гаданий одежда рассматривается одновременно и как "граница" от воздействия иного мира, и как средство установления контакта с потусторонним миром. В лечебно-магической практике коми одежда представляется как образ и мера конкретного человека. В семейной обрядности и любовной магии коми целостность личной одежды супругов выступает метафорой их близости и символом семейного благополучия.

Традиционная одежда коми-зырян и коми-пермяков сохраняется до настоящего времени в повседневном обиходе и ее вариации можно увидеть на участниках сельских фольклорных ансамблей. Сохраняются некоторые элементы традиционной зимней одежды северных коми: малица, пимы. Причем последние в настоящее время носят и в селе, и в городе. У коми-зырян и у коми-пермяков довольно распространенной зимней обувью остаются валенки. Среди коми-пермяков еще довольно распространены лапти. Во многих селах есть мастера, которые плетут их. Но лапти используются сельскими жителями как рабочая обувь – в них обычно ухаживают за скотиной. Характерно, что иметь у себя дома полный народный костюм желают чуть более 1% сельских и городских коми; среди коми-пермяков доля таковых в городе 6,3%, на селе – 18,6%; желающих носить его в городе не нашлось, а на селе доля таких людей составила 5,4% (в Республике Коми опрос проводился в 1987–1988 гг., в Коми-Пермяцком округе – в 1989 г.). Устойчиво сохраняется традиция узорного вязания, хотя одно время она стала затухать. Сегодня узорные вязаные носки и варежки распространены у обоих народов. Впрочем, узорное ткачество ушло в прошлое. У коми доля людей, которые имеют ясное представление о народном костюме, невелика. Преобладание сельского населения и более полное сохранение им традиций материального быта объясняют тот факт, что значительная доля коми-пермяков (73,2%) говорят, что имеют ясное представление о том, как выглядит народный костюм (*Шабаев*, 1983, 1994).

ПИЩА И УТВАРЬ

Традиционная пища народов коми как никакой другой элемент жизнеобеспечения испытывала на себе влияние природной среды и хозяйственных занятий. В промысловых районах основным источником питания были мясо и рыба, продукты собирательства, в земледельческих – злаковые и продукты скотоводства. Традиционный рацион у различных групп коми чаще имел много общего с пищей соседних народов, чем между собой.

Итак, зерновая основа традиционного рациона коми существовала только в земледельческих районах. В остальных регионах вынуждены были зерно покупать. Причем достаточное для пропитания количество зерна, муки, круп могли купить лишь немногие состоятельные крестьяне, удачливые промысловики, разбогатевшие оленеводы и торговцы. И коми-пермяки, и коми-зыряне пекли хлеб нечасто и со значительными растительными добавками. В муку (*пызь*) добавляли кору и листья рябины, листья малины, толченые солому, травы – борщевик (*азьгум*) и лебеду (*пöттурун*). Перемалывали зерно в муку на небольших водяных мельницах – *мутовках*, имевшихся повсеместно в селениях коми. Вероятно, кое-где могли ставить и ветряные мельницы. Многие крестьяне перерабатывали зерно в муку на ручных мельницах (*изки*), но мука выходила весьма грубого помола. Изки конструктивно напоминала севернорусскую ручную мельницу "клетец" и состояла из деревянного

СПИСОК ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

КОМИ

Агас – борона
Азьгум – борщевик
Азьлас, адзлас, адьлас – острога для лучения рыбы
Айбарч – строганина из мороженой оленины или лосятины
Акка – крестная мать
Амысь – сошник, соха
Анькытш – горох
Ас пу – "свое дерево", магическое дерево-двойник, имеющееся в природе у каждого человека
Ас чвет – "свой цветок", магический цветок-двойник у человека
Баба-юр, юртыр, пӧвӧйник, вӧлӧсник – повойник, женский головной убор, чепец на мягкой основе
Брунган – "гудок", трех- и шестиструнный ударный инструмент с резонаторным ящиком больших размеров (голбец)
Бурдӧдчан турунъяс – "лечебные травы"
Бурскан – шест с воронкой на конце для создания шума ударами по воде с целью загона рыбы в невод

Вартан, чап – цеп
Вачег – рабочие рукавицы из холста или сукна, для прочности обшитые сыромятной кожей
Вежай – крестный отец
Вежань – крестная мать
Ветель – вентерь, рыболовная корзина из сетки
Ветӧс – перевесья, подъемные сети на водоплавающих птиц
Вир лӧсялӧм – "сходство крови" двух людей, необходимое для успешного сотрудничества
Водздӧра – передник
Войпель – мифологический персонаж, божество северного ветра и ночи у к.-з., одно из главных божеств к.-п.
Войпук, койташ – посиделки
Вой тӧӧ саед – букв. "укрытие от северного ветра", одежда покойника, предназначенная для раздачи участникам похорон
Вомидз – порча, сглаз
Вор – корыто; *чуж вор* "корыто для солода"
Вор улын кералӧм – "рубка под корытом", магический обряд лечения
Вӧнь, йи – пояс
Вӧр – лес
Вӧрса – леший, лесной
Вӧралӧм, кыйсьӧм, прӧмышляйтӧм – охота; *арся вӧралӧм* ("осеннее лесование"), *тӧвся вӧралӧм* ("зимнее лесование")
Вугыр – рыболовный крючок
Вуджӧр – тень, тень-оберег, оберег
Вурун – шерсть
Вый – масло
Выль му – новина

Гач – штаны
Гид – хлев
Гор – очаг, каменка
Гӧг – пуп
Гӧгинь – повивальная бабка, повитуха
Гӧлӧведеч – женская, девичья головная повязка

Гӧр – плуг; *пу гӧр* "деревянная соха"
Гумла – гумно; *вевта гумла* ("крытое гумно") – рига
Гымга – "морда", раболовная снасть из дранки или прутьев
Гыр – ступа
Гырнич – глиняный горшок, чугунок

Дадь – санки
Дзуг – силянка, ловушка на горностаев и птиц с большим количеством волосяных петель
Додь – сани, телега
Дӧра – холст, полотно
Дӧрӧм, йӧрнӧс, йӧрдӧс – рубаха
Дубас – косоклинный сарафан из крашеного холста и набойки, на лямках, из трех прямых полотнищ и нескольких клиньев
Дукӧс – кафтан длиной до колен из сукна или шерсти, с отрезной спиной и со сборами на талии, или фалдами от талии; в некоторых местах называли *сукман*

Емватас – вымичи (этнографическая группа к.-з.)
Ен – один из братьев-демиургов коми, верховное божество

Жыннян – "колокол" березовый, жестяной или медный, идиофон

Звӧз, сарай пос – взвоз, бревенчатый настил для подъема и въезда на клеть

Изки – мельница, жернов
Изьватас – ижемцы (этнографическая группа к.-з.)
Иньваса – иньвенцы (этнографическая группа к.-п.)
Ишим, гын юр – обувь из катаной из овечьей шерсти головки и пришитых к ней голенищ из сукна или холста

Йӧв, йӧл, йӧӧ – молоко и молочные продукты, *улльӧв* – "молоко" (букв. "сырое, жидкое молоко"), *шомйӧв* ("простокваша"), *чӧжйӧв* ("молозиво")
Йӧгра-яран – "угры-ненцы", традиционные образы святочных ряжений и эпических песен

Кага – ребенок
Казь – сеть для ловли птиц и мелких пушных зверей
Карта – подклеть
Кебӧд – каменное грузило для невода
Кепысь, кепись – рукавицы; *сера кепысь* ("узорные рукавицы"), *чуня сера кепысь* – узорные вязаные перчатки
Керка – изба, дом; *вӧр керка, кыйсян керка* ("лесная, охотничья избушка")
Кичига – "лапа" для молотьбы (сев. к.-з.)
Кляп – небольшой деревянный цилиндр для игры в одноименную игру
Кляпча – кляпцы, ловушка давяще-дробящего типа с железными зубьями на крупных зверей (медведь, росомаха, выдра)
Козин – подарок; ритуальный подарок
Козъян – петля для ношения топора на спине охотничьей безрукавки
Койбедь – многофунциональный охотничий посох с железным наконечником на одном конце и деревянной лопаткой – на другом
Кокан, кӧпанеч, кӧпушай, копорига, куштан – мотыга, мотыга для расчистки подсеки
Кола – бревенчатая избушка в четыре венца с односкатной крышей; охотничья избушка
Колва яран – "колвинские ненцы" ассимилированные в XIX–XX вв. коми переселенцами (ныне – ижемские к.-з., проживающие в бассейне р. Колвы)
Кольтан – мутовка из елового ствола с несколькими сучками
Котыр, став, увтыр, чукӧр, чукар – род, семья
Кӧвтым – бредень
Кӧлысь – свадьба
Кӧті – кожаная обувь без голенищ
Крӧшни – устройство для переноски грузов на спине, плетеное из черемуховых или ивовых прутьев
Кулӧм – ставная сеть для рыбной ловли

Кум, жытник, туруш – амбар для хранения зерна
Кунлӧс, кумлӧс – деталь рубахи, клин из ткани контрастного цвета под мышками
Куран, нарман – грабли
Кушенча – "голицы", рабочие холщовые рукавицы, *пон кушенча* – рукавицы из собачьего меха шерстью наружу
Кушман – редька
Кыс – обувь, сшитая из шкуры с ноги коровы, лося шерстью наружу, с суконным или кожаным голенищем выше колена
Кыснан – блесна
Кышӧд, кышед – обшивка шубы, малицы из ткани

Лаз, луз, лузан – охотничья кожаная, суконная или холщовая безрукавка с кармашками для охотничьих припасов и двумя большими карманами для добычи (*лаз ноп*)
Ластович – прямоугольная вставка из ткани другого цвета на плечах женской рубахи
Летчи, леткаса – летские коми-зыряне (лузско-летская этнографическая группа к.-з.)
Липтіча – меховые чулки, мехом внутрь
Лӧкчимса – локчимцы (верхневычегодская этнографическая группа к.-з.)
Лузса – прилузцы (лузско-летская этнографическая группа к.-з.)
Лызь – лыжи, обшитые камусом
Лызя кӧм – специальная обувь для ходьбы на лыжах, из одного куска толстой сыромятной кожи с цельной толстой подошвой, загнутыми кверху носками и пришитыми суконными голенищами
Лэч – силок; *му лэч* ("силок на земле"), *пу лэч* ("силок на дереве"), *сёръя лэч* ("силок на жерди"), *карнана лэч* ("очепа, силок с противовесом"), *лайкана лэч* ("пружинящий силок" на зайцев)
Лямпа – лыжи

Малича – одежда оленеводов закрытого типа из пыжика с пришитыми капюшоном и рукавицами
Мегыр – дуга конской упряжи
Меж – баран
Мӧс – корова
Мыг – нижняя рубаха, нижняя часть женской рубахи

Нальк – плашка, ловушка на пушных зверей, реже – на рябчика
Ним видзысь – букв. "имя охраняющий", колдун, ведун, пользующийся заговорами; личный дух-хранитель
Нимкыв – букв. "имя-слово", заговор
Нинкӧм – букв. "липовая обувь", лапти из бересты или липового лыка; лапти были распространены только у к.-п. и южных к.-з. (прилузцы, сысоличи)
Ноддя – костер между двух сухостойных бревен
Номдӧра – глухой капюшон-накомарник из холста
Ноп – мешок из лосиной (телячьей) шкуры;
Норт – специальные сани для езды на оленях; длинные охотничьи сани для перевозки грузов вручную или с помощью собак
Нӧк – сметана
Ныв юр – девичья налобная повязка иж. к.-з. из сложенного в узкую полоску платка, завязанного на затылке
Нянь – хлеб; *черинянь* – рыбник

Ольыся – "жилец", дух-хозяин дома, жилых и хозяйственных построек, домовой
Омӧль – мифологический персонаж, антагонист бога-ена; нечистая сила (обобщ.)

Панды – меховая опушка подола малицы
Парка – одежда оленеводов закрытого типа, сшитая мехом наружу из тонких шкур молодых оленей, надевается в холодную погоду поверх малицы; *ной парка* ("суконная парка")
Пас – знак, тамга, родовой знак
Пась – шуба, полушубок, тулуп
Паськӧм – одежда; *кулан паськӧм* – погребальная, смертная одежда

Пеж – "нечистый", "нечистое", магическая "нечистота", часто связываемая с сексом
Пежгу – пыжик
Пельнянь – букв. "ухо-хлеб", пельмени
Пельса – кадка, ушат
Пернай – крестный отец
Пернянь – крестная мать
Печераса – печорцы (этнографическая группа к.-з.)
Печкан, козяль – прялка
Пидзöс кыскöд – вязаные наколенники
Пим, пими – сапоги с голенищем выше колен из оленьего меха ворсом наружу
Пиня – борона-суковатка
Пода – скот (к.-п.)
Помча – сетное подъемное орудие для лова рыбы в виде колодезного журавля
Порсь – свинья
Пöжалöм – "пропекание", магический обряд лечения
Пöлян – дудка; *каля пöлян* – букв. "чайка-дудка"; *кушма пöлян* – "трехствольная дудка"; *квайта пöлян* – "шестиствольная дудка"; *öкмыса пöлян* – "девятиствольная дудка-флейта"; *гум пöлян* – "дудка из дудника"; *сёй пöлян* – "глиняная дудка", флейта в форме птицы; *бадьпу пöлян* – "ивовая дудка" типа кларнета; *сюмöд буксан* – "берестяный рожок", *сюмöд пöлян* – "берестяная дудка"; *юсь пöлян* – "лебединая дудка"
Пöлясьысь – "дующий" < *пöлявны* ("дуть") – лекарь, исцеляющий дутьем на воду, на больного
Пу барабан – "деревянный барабан": деревянная прямоугольная дощечка с ремешком, пастушеский музыкальный инструмент
Пу бедьяс – "деревянные палки": две ошкуренные сухие березовые палки, соединенные веревкой, музыкальный инструмент пастухов-оленеводов
Пывсьöдчысь – букв. "банщик" < *пывсьöдны* ("парить, выпарить") – лекарь, исцеляющий в бане; *пывсьöдчыны* – "лечить в бане"
Пывсян, пылсян, пыысян – баня; охотничья банька
Пывсян айка – "банный хозяин", банник
Пызь – мука
Пыльöм – кулёмка, самолов давящего типа; *кöч пыльöм* – "кулёмка на зайца", *сана пыльöм* – "кулёмка на росомаху", *ош пыльöм* – "кулёмка на медведя"
Пыридз – пешня
Пыртöм – букв. "введение", крещение, крещеный
Пыртысь – букв. "вводящий", крещающий
Пыш – конопля

Рак ноп – устройство для переноски поклажи на спине, сплетенное из бересты на черемуховую раму
Рок – каша; *косаа рок* – "каша косы" в честь окончания сенокоса; *чарлаа рок* – "каша серпа" в честь окончания жатвы (см. *чомöр*)
Рыныш – овин
Рысь – творог

Сак – мелкоячеистая сеть-мешок для лова мелкой рыбы
Самшура – женский головной убор, чепец неправильной трапециевидной формы сшитый из кумача, с твердым дном, по краям обшитый твердым валиком
Свадьба видзысь, свадьба видзись, свадьба пыкыд, свадьба пыкöд – "свадьбу охраняющий", "опора свадьбы", колдун, охраняющий свадьбу
Сермöд – узда
Сёркни – репа
Сигудöк, сигудэк – "волосяной гудок", струнный смычковый или щипковый музыкальный инструмент
Сийöс – хомут
Сийöс пыр лэдзöм – "протаскивание сквозь хомут", магический обряд лечения
Сой дор, сой сос – вязаный или войлочный нарукавник
Сос – верхняя часть женской рубахи (I); вязаный или суконный рабочий нарукавник (II)
Сöвик – одежда оленеводов закрытого типа, шьется подобно *парке* мехом наружу, но из шкур взрослых оленей, надевается в холодную погоду поверх малицы

Сöстöм – "чистый", ритуальная чистота
Сукман – сермяга, зипун
Сур – пиво
Сутшйöдлöм – "покалывание", магический обряд лечения покалыванием острыми предметами (веретено, щучьи зубы, шило)
Сыктылса – сысоличи (этнографическая группа к.-з.)
Сырп – сеть-одностенка, сшитая в виде мешка
Сюзьваса – зюздинцы (этнографическая группа к.-п.)
Сюмöд киль – музыкальный инструмент, берестяная ленточка, натянутая между губами
Сярган – "трещотка", музыкальный инструмент, идиофон

Таб – поплавок на рыболовной сети: *ну таб* ("деревянный поплавок"), *сюмöд таб, сюмед таб* ("берестяной поплавок")
Таг – хмель
Тасма – кожаный широкий ремень охотников и оленеводов, носили на поясе или через плечо
Тоин – пест
Торган – "бубенчик", деревянная погремушка
Тотшкöдчан – сторожевая колотушка, с билом-молоточком внутри в виде головы коня (птицы) или с деревянным шариком, идиофон
Тöбек – сапоги высотой 40 см из оленьего камуса ворсом наружу
Тöдысь – "знающий" < *тöдны* ("знать, узнать, отгадать") – общее название знахаря, колдуна, ведуна
Туй – тропа: *лэч туй* ("силковая тропа"), *чöс туй* ("слопцовая тропа")
Тун – ведун, колдун > *тунавны, тунасьны* ("предвещать ворожить, гадать")
Тшамъя – амбарчик на четырех (или одной) высоких ножках для хранения охотничьих припасов и добычи
Тшуп, йöр – запор, заграждение из кольев для ловли рыбы "мордой"
Тшыкöдчысь – "портящий", зловредный колдун; *тшыкöдöм* – порча
Тшынöдöм – "окуривание", важная часть многих обрядов
Тыв – сеть, невод
Тыла – подсека
Тыла агас – борона-суковатка для работы на подсеках

Удораса – удорцы (этнографическая группа к.-з.)

Чарки, чуктöм – поршни, сшитые из сыромятной кожи, стягиваемые у щиколотки ремешком
Чарла – серп
Чер – топор; *лагыра чер* ("топор с бородкой"), *комму чер* ("пермяцкий топор"), большой топор для валки леса; *вачер* ("водяной топор"), вертикально насаженный топор для прорубания льда; *чер öшлан-кöртлан* (к.-з.), *чер öшван* (к.-п.) – "подвешивание топора", обряд гадания с топором
Чипсан – дудка-свисток; *куима чипсан* ("трехствольный свисток"), *сьöла чипсан* ("рябчиковый свисток"), манок, *бадьпу чипсан* ("ивовый свисток"), *льöмпу чипсан* ("черемуховый свисток"), *пелысьпу чипсан* ("рябиновый свисток") – закрытые продольные флейты с деревянной пробкой со щелью; *идзас чипсан* ("соломенный свисток")
Чом – навес, шалаш; *киска чом* ("шалаш, крытый берестяными полотнищами)", *лыска чом* ("шалаш из елового, пихтового лапника"); чум
Чомöр, чомер – ритуальная каша; ритуал, завершающий помочи, коллективную работу
Чöрöс – холщовые и суконные чулки без пятки
Чöс – слопец, ловушка на боровую дичь давящего типа
Чуж – солод
Чышъян, от – платок; *сыръя чышъян* – платок с бахромой; *кузь чышъян* – шаль

Шабді – лен
Шабур – длинная глухая рубаха из толстого домотканого полотна, бока которой состоят из четырех скошенных полотнищ, рабочая одежда с круглым вырезом вместо ворота, к которому иногда пришивали капюшон из холста (*юр кышöд*). У сысольских к.-з. и иньвенских к.-п. – холщовый кафтан типа поддевки с отрезной спиной и сборами от талии, обычно синий, на холщовой белой подкладке

Шева – заболевание истеридемонического характера; кликушество; дух-носитель кликушества
Шег – овечья бабка (лодыжка)
Шердын – берестяной лоток для провеивания зерна
Шиш – архаический овин конической формы из жердей (зюздинские к.-п.)
Шог – несчастье
Шона – яма с очагом в ямном овине
Шуд – счастье
Шушун, шушин – косоклинный сарафан из домотканого пестрядинного холста или набойки синего цвета
Шы – (I) охотничье копье; (II) хлев
Шыд – суп; *тшака шыд* ("грибной суп"), *яя шыд* ("мясной суп")

Эжватас – вычегодцы (этнографическая группа к.-з.)
Эшкын – одеяло из овчин с мешком для ног

Юква – уха
Юрной – головной убор коми-зырянских девушек, очелье без дна, обтянутое красным сукном, вышитое бисером и украшенное мехом

Язьваса – язьинцы (этнографическая группа к.)

МАРИЙЦЫ

Ава – мать (*миф.*), Богиня-мать
Авун, агун, ӓн – овин
Агавайрем – земледельческий праздник пашни, весенне-полевых работ, плуга
Агавайрем ото – роща для проведения праздника "агавайрем"
Агавуй – деревянный плуг типа "сабан"
Агавуй, косиля – косуля, старинный плуг
Азакӱпчык, азакудо, сӱм – послед
Азырен – (*миф.*) дух, ангел смерти, смерть (как существо)
Акпатыр – (*рел.*) почитаемое Божество, герой преданий
Акырсаман – (*рел.*) светопреставление, конец света
Албаста – (*миф.*) злой дух, дьявол
Алдыр – большой деревянный ковш для пива
Аньык капка – ворота из разборных жердей или досок
Арака – вино
Арвагудо – клетушка для хранения мякины и отрубей, мякинница, сарай для мякины
Аршака, коршака, корсака – острога, колющее рыболовное орудие с зубьями-крюками
Атма, сак – намет
Ахметек-патыр – богатырь, герой преданий
Аяр кон кече – (*рел.*) злой щелоков день, предпасхальная суббота – день очищения

Болтуш – марийский князь, руководитель борьбы за независимость г. Малмыжа

Вапш, келде – невод, рыболовная сеть
Васке – полукруглый топорик-тесло с длинной ручкой
Васли кува-кугыза – старик Василий со старухой Васильевной – ряженые
Вате – жена
Вашклат, васка – клеть с подклетью, две клети, соединенные общими сенями
Вашпӧрт – трехраздельный дом "изба + сени + изба" под одной крышей
Венге – зять, обращение родителей невесты к мужу дочери или родственницы
Вердыме-кукдымо – (*миф.*) умершие без роду и племени
Вес тӱня – (*миф.*) загробный мир, тот свет
Висте – полба
Вич(е) мари – вятские марийцы
Водыж – (*миф.*) дух, название низшего божества
Возак – закрытый очаг сбоку шестка

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО	Архив Русского географического общества
АРЭМ	Архив Российского этнографического музея
АХРР	Ассоциация художников революционной России
АЭМК	Археология и этнография Марийского края
БСИ	Балто-славянские исследования (сер.)
ВЕ	Вестник Европы
Вол.ГВ	Вологодские губернские ведомости
Вол. ЕВ	Вологодские епархиальные ведомости
ВОГА	Вологодский областной государственный архив
Вят. ГВ	Вятские губернские ведомости
Вят.ЕВ	Вятские епархиальные ведомости
ВГО	Всесоюзное географическое общество
ВТУ	Высшее театральное училище
ВУАРП	Всеудмуртская ассоциация революционных писателей
ВЭО	Вольное Экономическое общество
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАРМ	Государственный архив Республики Мордовия
ГАРМЭ	Государственный архив Республики Марий Эл
ГАРТ	Государственный архив Республики Татарстан
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗОИКК	Записки общества изучения Коми края
ЗУОЛЕ	Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАОИРС	Известия Архангельского общества изучения Русского Севера
ИВОИСК	Известия Вологодского общества изучения Северного края
ИКЕ	Известия по Казанской епархии
ИОАИЭ	Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОЛЕАЭ	Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИРГО	Известия Русского Географического общества
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КНЦ УрО РАН	Коми Научный Центр Уральского отделения РАН
КФАН	Коми филиал АН СССР
ЛГИТМиК	Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии
МАВГР	Материалы по археологии восточных губерний России
МарАЭ	Марийская Археологическая экспедиция
МарНИИ	Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА	Материалы исследования по археологии СССР
МКАЭН	Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МНИИЯЛИЭ	Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МФЭ	Материалы фольклорной экспедиции МарНИИ
МЭЭ	Материалы этнографической экспедиции
НА КНЦ	Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН
НА НМРК	Научный архив Национального музея Республики Коми
НА Татарстана	Национальный архив Татарстана

НГВ	Нижегородские губернские ведомости
НЕВ	Нижегородские епархиальные ведомости
НИИ при СМ УАССР	Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР
НРФ	Научно-рукописный фонд
НФ	Научный фонд МарНИИОРРГБ
ПГВ	Пензенские губернские ведомости
ПМА	Полевые материалы автора
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАПП	Российская ассоциация пролетарских писателей
РАТИ	Российская ассоциация театральных искусств
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО	Российское географическое общество
РМЭ	Республика Марий Эл
РНБ ОР	Российская Национальная библиотека, отдел рукописей
РО	Рукописный отдел
РПЦ	Русская православная церковь
РФ	Рукописный фонд
РФ МНИИЯЛИЭ	Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ
СА	Советская археология
СЕВ	Самарские епархиальные ведомости
СОФИН	Союз освобождения финских народов
СЭ	Советская этнография
ТИЭ	Труды Института этнографии
ТИЯЛИ	Труды Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН
ТМНИИЯЛИЭ	Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
ТОЗ	Труды общества Землеведения при Санкт-Петербургском университете
УИИЯЛ УрО РАН	Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УЗМГУ	Ученые записки Мордовского государственного университета
УЗСГУ	Ученые записки Саратовского государственного университета
УР	Удмуртская Республика
ЦГАРК	Центральный государственный архив Республики Коми
ЭО	Этнографическое обозрение
JSFOu	Journal de la Societe Finno-Ougrienne
MSFOu	Memoires de la Societe Finno-Ougrienne

БИБЛИОГРАФИЯ

КОМИ

Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // Вол. ГВ. 1859. № 28–38, 40–42, 45.

Айбабина Е.А. Особенности функционального развития коми языка в современных условиях / Научные доклалы КНЦ УрО РАН (Сер. препринтов). Вып. 186. Сыктывкар, 1988.

Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. М., 1981. С. 162–182.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1980.

Археология Республики Коми. М., 1997.

Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 20–34.

Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение Севера. М., 1964 (а).

Бадер О.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964 (б).

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Байбурин А.К. Календарь и трудовая деятельность человека. Л., 1989.

Барадулин В.А. Народные росписи по дереву Прикамья. Пермь, 1987.

Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья (Крестьянский расписной дом). Л., 1988.

Бараксанов Г.Г. История коми литературного языка и проблемы языковой нормы / Научные доклады КФ АН СССР. Вып. 158. Сыктывкар, 1986.

Бараксанов Г.Г., Федюнева Г.В. Пути и проблемы развития коми литературного языка // Linguistica Uralica. XVII. 1991. № 1. С. 61–68.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. М., 1982.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Баталова Р.М. Пермские языки: Коми-зырянский язык. Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 209–239.

Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии и нефтяным богатствам на р. Ухту. СПб., 1908.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.

Белых К.С. О времени и причинах распада прапермской этнолингвистической общности // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Матер. I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 285–287.

Бернштам Т.А. Прялка в символическом контексте культуры // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сб. МАЭ. Т. 45. СПб., 1908. С. 14–43.

Битрих А. Охота и промысел в лесах нашего Севера // Лесной журнал. Пг., 1915. Вып. 6–7. С. 1094–1118.

Богословский Н. О былых разбойниках в Коми крае и об атамане их Суханове по прозвищу "Шипича" // Записки Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1928. Вып. 1. С. 29–53.

Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX века (По материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 154–163.

Борисов Д. Физическое воспитание в коми школе // Коми просвещенец. Сыктывкар. Вып. 4. С. 15–19.

Бунаков Н.Ф. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вол. ГВ. 1858. № 19.

Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.

Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967.

Бызова В.М. Психология этнических различий: Проблемы менталитета, отношений, понимания. Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1996.

Васкул И.О. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1992.

Васкул И.О. Поселения пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1994.
Ветошкина Е.В. Производственные и семейные заговоры у коми // Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Сыктывкар, 1982. Вып. 26: Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. С. 87–97.
Висер вожа сьыланкывъяс да мойдкывъяс / Сост. Осипов И.А. Сыктывкар, 1986.
Вишневский Б.Н. Географ-краевед И.Л. Кривощеков. Пермь, 1961.
Волегов В. Звериный и рыбный промысел на Российском Урале // Журнал охоты. 1860. Т. 5. № 25. С. 12–24.
Волков Н. Удорский край // Вол. ГВ. 1879. № 38.
Вологдин П.В. Лесное царство // Слово. СПб. , 1899. С. 34–87.
Вопросы уральских литературных языков / Ред. Габор Зайц. Будапешт, 1995.
Всесоюзная перепись населения. 1926 г. Северный район. Отд. 1. М., 1928.
Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.
Гагарин Ю.В., Дукарт Н.И. Семейные праздники и обряды сельского населения Коми АССР // Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Сыктывкар, 1976. Вып. 17: Этнография и фольклор. С. 75–90.
Голицын Н.Д. Записка по обозрению Печорского края летом 1887 г. Архангельск, 1888.
Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т. II. Ч. I–II. СПб., 1856.
Грибова Л.С. Культ "древних" у коми-пермяков // Матер. VII Межд. конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1964. С. 143–147.
Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.
Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.
Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Русскому государству. Сыктывкар, 1977.
Добротворский Н. Пермяки // Вестник Европы. 1883. Т. II. Кн. 3. С. 228–264; Кн. 4. С. 544–580.
Документы по истории коми // Историко-филологический сб. Вып. 4. Сыктывкар, 1958.
Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985.
Доронин П.Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости. Усть-Вымского уезда // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. № 1. С. 91–93.
Доронин П.Г. Материалы и документы по истории коми (1947) // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 25.
Дукарт Н.И. Весенне-летние праздники и обряды в северной деревне конца XIX – начала XX в. // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975. С. 141–152.
Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 91–103.
Дыхание пармы: Книга об искусстве и литературе народа коми / Сост. В.А. Латышева. Сыктывкар, 1991.
Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского / Пер. с древнерус. Г.А. Тираспольский. Сыктывкар, 1993.
Еропкина Н.Д., Макарова Г.Г. Демографический потенциал и социально-экономическое развитие Коми-пермяцкого автономного округа // Проблемы развития производительных сил и охраны природы Коми-Пермяцкого автономного округа. Кудымкар, 1987. С. 12–17.
Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990.
Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Живая старина. СПб., 1901. С. 34–103.
Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во II пол. XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 8–15.
Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX в.). Сыктывкар, 1993.
Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995.
Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: Территория и население. Сыктывкар, 1998(а).
Жеребцов И.Л. Историко-демографическое развитие народа коми (зырян) за тысячу лет его существования // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 153–156 (б).

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае в конце XIX в. – 1980-х гг. Сыктывкар, 1993.
Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
Жеребцов Л.Н. Опыт изучения крестьянского жилища коми // Историко-филологический сборник КФАН СССР. Сыктывкар, 1956. Вып. 3. С. 30–47.
Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971.
Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX в. М., 1972 (а).
Жеребцов И.Л. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар, 1972(б).
Жеребцов Л.Н. К истории заселения Верхней Сысолы // *Жилина Т.И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975. С. 6–13.
Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян) // Науч. докл. КФ АН СССР. Вып. 31. Сыктывкар, 1977.
Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды // Историко-филологический сб. КФАН СССР. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 53–98.
Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. М., 1998.
Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
Жилина Т.И., Сорвачева Н.А. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971.
Заварин Н. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии // Вологодские Епархиальные Ведомости. 1870. № 1. С. 19–29; № 3. С. 91–101; № 4. С. 144–149; № 5. С. 166–179.
Зелинский А.Н. Породы охотничьих собак // Календарь охоты. М., 1953. С. 302–324.
Иевлев Д.Д. Оленеводство в Архангельской губернии. Архангельск, 1918.
Ильина И.В. Народная медицина коми. Сыктывкар, 1997.
Информационный бюллетень консультативного комитета финно-угорских народов. 1993. № 1.
Информационный бюллетень Министерства по делам национальностей Республики Коми. 1994. № 1.
Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1998.
История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.
История Коми края в документах и материалах. Ч. II. Сыктывкар, 1995.
История коми литературы. Сыктывкар, 1979. Т. 1.
История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
Итоги Всесоюзной переписи населения.1970 г. М., 1974.
Кайлин. Описание обычаев и нравов коми с. Деревянск (1898) // ВОГА. Ф. 883. Оп. 1. Д. 182.
Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.
Канивец В.И. Печорское Приполярье: Эпоха раннего металла. М., 1974.
Канивец В.И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы. М., 1976.
Климова Г.Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978.
Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.
Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.
Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
Коми АССР 60 лет: Статистический сборник. Сыктывкар, 1995.
Коми вчера и сегодня: Статистический сборник. Сыктывкар, 1991.
Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1984.
Коми мойдъяс / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1991.
Коми-Пермяцкий автономный округ: Страницы истории. Кудымкар, 1988.
Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л., 1948.
Коми-пермяцкий язык / Под ред. В.И. Лыткина. Кудымкар, 1967.
Коми язык: Энциклопедия. М., 1998.
Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
Конаков Н.Д. Географическая среда и традиционное природопользование народа коми // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 27–40.

Конаков Н.Д. Мифологический субстрат в духовной культуре народа коми // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 66–79.
Конаков Н.Д. Игра в покойника в структуре мифологической модели мироздания // Семиотика культуры. Сыктывкар, 1991. С. 83–91.
Конаков Н.Д. Этнографические группы народа коми // Традиционная культура народа коми (Этнографические очерки). Сыктывкар, 1994. С. 44–40.
Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир: Пространство и время. Сыктывкар, 1996.
Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991.
Коньшин А.Е. Трагические страницы истории коми-пермяцкого народа: Голод 1933/34 и 1936/37 гг. // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. Кудымкар, 1993. С. 18–24.
Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
Королева Н.С. Народное искусство пермских финно-угров (коми, коми-пермяков, удмуртов) XIX–XX вв. Автореф. дис. … канд. искусств. М., 1969.
Котляровский П.В. Экономический быт государственных крестьян северо-восточной половины Вологодской губернии // Вол. ГВ. 1892. № 24–52.
Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
Кытчö тійö мунатö? / Сост. Климов В.В. Кудымкар, 1991.
Лаллукка С. Восточно-финские народы России. СПб., 1997.
Лаллукка Сеппо. Ассимиляция и численное развитие коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 122–124.
Лашук Л.П. Очерки этнической истории Печорского края (Опыт историко-этногр. исследования). Сыктывкар, 1958.
Лашук Л.П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР // Изв. Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1960. Вып. 6. С. 97–105.
Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
Лепехин И.И. Окончание Записок путешествия академика Лепехина / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академиею наук… Т. 5. Ч. 4. СПб., 1822.
Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998.
Лобачев С.В., Бородин Л.Н. Угодья, сроки и способы охоты // Верхне-Вычегодская экспедиция. М., 1932. С. 276–302.
Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 48–69.
Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.
Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
Лыткин В.И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 39. М., 1963. С. 3–11.
Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
Лыткин В.И. Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (Тюркские, финно-угорские и монгольские языки). М., 1969. С. 302–347.
Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
Лыткин В.И. Зырянские народные произведения. СПб., 1901.
Ляшев В.А. Вопросы коми-зырянского лингвогенеза // Сущность, развитие и функции языка. М., 1982. С. 141–146.
Ляшев В.А. Диалектное членение древнекоми языка / Науч. докл. КФ АН СССР. Вып. 60. Сыктывкар, 1980.
Ляшев В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1977.
Ляшев В.А. Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 45–53.
Майтинская К.Е. Финно-угорские языки // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 20–31.
Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н. Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. Т. 47–54.
Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.
Мальцев Г. Язык мой – брат мой // Парма. М., 1997. 11 апреля. С. 3.
Мартынов С.В. Печорский край. СПб., 1904. Ч. 4.

Мартюшев А.М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904.
Матвеев А.К. Еще раз о западных границах пермской топонимии на севере Европейской части России // Европейский Север: Взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1994. С. 30–32.
Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993.
Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области. Т. 1. М., 1996.
Мельников С. Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 3–4. С. 38–51.
Микушев А.К. Коми народный эпос. М., 1987.
Микушев А.К. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969.
Микушев А.К., Чисталев П.И. Коми народные песни. Т. 1. Вычегда и Сысола. Сыктывкар, 1966.
Микушев А.К., Чисталев П.И. Коми народные песни. Т. 2. Ижма и Печора. Сыктывкар, 1968.
Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г. Коми народные песни. Т. 3. Сыктывкар, 1971.
Михайлов М.И. Заметки о зырянах (Извлечение) // Москвитянин. Кн. 9–10. М., 1851. Ч. III. С. 33–38.
Михайлов М.И. Домашний и семейный быт зырян // Журнал МВД. 1852. Кн. 3. С. 319–335.
Мороз Е.В. Физкультура и спорт в Коми АССР. Сыктывкар, 1967.
Мурыгин А.М. Поселение Усогорск III на средней Мезени // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1980. С. 33–39.
Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: Эпоха средневековья. М., 1992.
Мурыгин А.М. Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
Налимов В.П. Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 38–59.
Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // ЭО. 1907. № 1–2. С. 88–101 (а).
Налимов В.П. Материалы по этнографии зырян и пермяков // Suomalais-Ugrilainen Seura. 1.1.38. 1907(б).
Налимов В.П. К материалам по истории материальной культуры коми // Коми му. Усть-Сысольск, 1925. № 3–4. С. 15–41.
Налимов В.П. К вопросу о первоначальных отношениях полов у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 5–23.
Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
Несанелис Д.А. Старинная игра детей коми "горд гача": Опыт семантического анализа // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 80–89(а).
Несанелис Д.А. Несколько замечаний о соотношении игры и этикета в традиционной культуре северной деревни // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 23–27 (б).
Несанелис Д.А. Раскачаем мы ходкую качель (Традиционные формы досуга сельского населения Коми края. Вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Сыктывкар, 1994.
Несанелис Д.А., Семенов В.А. Традиционная этнография народа коми в работах П.А. Сорокина // Рубеж. Сыктывкар, 1991. Вып. 1. С. 17–26.
Несанелис Д.А., Шарапов В.Э. Тема смерти в детских играх: Опыт этносемиотического анализа (По материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 122–134.
Несанелис Д.А., Шарапов В.Э. Мотив раскачивания в мифопоэтических представлениях народов коми // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. Сыктывкар, 1996. С. 77–95.
Оборин В.А. К истории скотоводства и охоты у древних коми-пермяков // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1960. Т. 12. Вып. 1. С. 219–230.
Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1969. С. 30–48.
Оборин В.А. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в

XVI–XVII вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 80–85.
Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в. Иркутск, 1990.
Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие сказания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.
Оласӧ да вӧласӧ / Сост. Климов В.В. Кудымкар, 1990.
Ончуков Н.Е. Былинная поэзия на Печоре // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 3–4. С. 358–384.
Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
Отчет комиссии по обследованию коми края в 1867 г. Архангельск, 1867.
Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955.
Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.
Перов С. Свинцовые месторождения на Илыче // ИВОИСК. Вологда, 1915. Вып. 2.
Плесовский Ф.В. Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс. Сыктывкар, 1957.
Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.
Плесовский Ф.В. Космогонические мифы коми и удмуртов // Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Сыктывкар, 1972. Вып. 13: Этнография и фольклор. С. 88–97.
Плесовский Ф.В. Коми пословицы и поговорки. Изд. 2-е. Сыктывкар, 1973.
Плесовский Ф.В. Народные театральные представления / История коми литературы. Т. I. Сыктывкар, 1979. С. 77–91.
Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР / Науч. докл. КНЦ УрО РАН. Вып. 231. Сыктывкар, 1990.
Попов А.А. "Зырянизация" (1918–1930 гг.) // Проблемы функционирования коми языка в современных условиях. Сыктывкар, 1990. С. 82–93.
Попов А.А., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д., Бараксанов Г.Г. Национальное строительство в Коми АССР: История и современность // Науч. докл. КНЦ УрО АН СССР. Вып. 263. Сыктывкар, 1991.
Попов А.А. Взаимопомощь и коллективный труд в земельном быту зырян Усть-Сысольского уезда // Народное хозяйство. СПб., 1903. Кн. 5. С. 12–130.
Попов А.А. Статистико-экономический очерк // Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии. Т. II. Усть-Сысольский уезд. Район Усть-Сысольского и части Вычегодского лесничества. СПб., 1910.
Попов К. Зыряне и зырянский край // ИОЛЕАЭ. Т. 13. Кн. III. Вып. 2. М., 1874.
Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.
Программа для сбора этнографический сведений. СПб., 1847.
Республика Коми: Энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар, 1997.
Рогачев М.Б. Межнациональные браки как фактор этнических процессов у коми // Науч. докл. КФАН СССР. Вып. 116. Сыктывкар, 1985.
Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков // Журнал МВД. 1858. Апрель. С. 45–126.
Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. М., 1860. Кн. II. Отд. 2. С. 1–127.
Рочев Ю.Г. Коми старинные детские игры. Сыктывкар, 1988.
Савваитов П. Некоторые сведения об Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии // Вол. ГВ. 1843. № 2. (Часть неофициальная).
Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.
Савельева Э.А. Этническая принадлежность ванвиздинской культуры // Вопросы финно-угроведения. Т. 2. Сыктывкар, 1979. С. 13–27.
Савельева Э.А. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 14–31.
Савельева Э.А. Археология Коми АССР. Сыктывкар, 1984.
Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян. Сыктывкар, 1985.
Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
Савельева Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995.
Савельева Э.А., Грибова Л.С. Истоки // Народное искусство коми. М., 1992. С. 3–44.
Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о Перми Вычегодской. Сыктывкар, 1997.

Сарв Х. Финно-угры в России в ходе столетий // Финно-угорские народы и Россия. Таллинн, 1994. С. 26–41.
Сахаров И.П. Сказания русского народа. М., 1989.
Сахаров П. Коми лес и перспективы его развития // Коми му. Усть-Сысольск. 1928. № 12. С. 73–81.
Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1965.
Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
Семейный быт народов СССР. М., 1990.
Семенов В.А. Некоторые архаические представления коми по материалам погребального обряда // Вопросы этнографии народа коми. Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 32. Сыктывкар, 1985. С. 43–49.
Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб., 1992.
Сидоров А.С. Памятники древности в пределах Коми края // Коми му. 1924. № 4–6. С. 70–77; № 7–10. С. 51–64; 1926. № 6. С. 28–32; № 7. С. 38–42.
Сидоров А.С. Похоронные обряды и обычаи у коми. (Рукопись). 1927 // Ленинградское отделение Архива АН СССР. Ф. 135. Оп. 2. Д. 252.
Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.
Сидоров А.С. Идеология древнего населения коми края // Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 13: Этнография и фольклор. Сыктывкар, 1972. С. 10–23.
Слепчина Н.Е. О символике возрастных границ и половых ролей в традиционной педагогике коми // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми. Сыктывкар, 1997. С. 5–22.
Слепчина Н.Е. Печь как "детская часть" традиционного жилища коми // Традиционная культура: Мир детства. Ч. 1. Ульяновск, 1998. С. 83.
Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952.
Смирнов И.Н. Пермяки // ИОАИЭ. Т. IX. Вып. 2. Казань, 1891.
Сморгунова Е.М. Старообрядцы Верхней Язьвы: Особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 157–162.
Соловьев Д.К. Экономика охоты в Печорском крае // Коми му. Усть-Сысольск. 1927. № 8. С. 31–38.
Сонни К.М. Об охоте зырян // Лесной журнал. 1840. Ч. 4. Кн. 2. № 11. С. 269–283.
Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978.
Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990.
Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1971.
Сорокин П.А. Старинный обряд у зырян // Вол. ГВ. 1848. № 30. Часть неофициальная. С. 339–341.
Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян // ИАОИРС. 1910. № 20. С. 24–52.
Сорокин П.А. Рыт-пукалом. Рассказ из жизни северной деревни // Архангельские губернские ведомости. 1910. № 203. С. 18–24.
Сорокин П.А. Современные зыряне // ИОАИРС. 1911. № 18. С. 525–536; № 22. С. 811–820; № 23. С. 876–885; № 24. С. 941–949.
Сорокин П.А. К вопросу о первобытных верованиях зырян // ИВОИСК. Вып. IV. Вологда, 1917. С. 38–49.
Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
Социальная педагогика. Свердловск, 1989.
Списки населенных мест Российской империи. Изд. Центр. Стат. Комитета МВД. Вып. I: Архангельская губ. Список населенных мест по свед. 1859 г. / Обработка Е. Огородникова. СПб., 1861.
Списки населенных мест Российской империи. Изд. Центр. Стат. Комитета МВД. Вып. 7: Вологодская губ. Список населенных мест по свед. 1859 г. / Обработка Е. Огородникова. СПб., 1866.
Справочная книжка волостного статистика. Усть-Сысольск, 1927.
Старцев Г.А. Зыряне (Этнографический очерк) // ЦГА Республики Коми. Ф. 710. Оп. 1. Д. 4.

Старцев Г.А. Прошлое Гамской волости (Материалы к истории Коми края) // Записки общества изучения Коми края. 1928. Вып. 1. С. 109–112.
Старцев Г.К. К классификации пережитков и обрядов коми народа // Коми му. Усть-Сысольск. 1929. № 13. С. 48–59.
Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
Тарановская Н.В. Росписи на Мезени и Печоре // Русское народное искусство. Л., 1968. С. 47–59.
Теплоухов Ф.А. Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историко-географическом отношениях // Коми му. Усть-Сысольск. 1925. № 9. С. 33–47.
Теплоухов Ф. Пермяки и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 29–32.
Теребихин Н.М., Семенов В.А. Семантика традиционной деревенской среды у народов коми // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С. 79–92.
Терюков А.И. Комиын 1897 воын перепись йылысь // Войвыв кодзув. 1977. № 6. С. 60–61.
Терюков А.И. Погребальный обряд печорских коми // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979. С. 80–86 (а).
Терюков А.И. Представления коми-зырян о душе // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979. С. 173–182 (б).
Терюков А.И. Погребальный обряд вымских и вишерских коми // Традиции и новации в народной культуре коми. Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 28. Сыктывкар, 1983. С. 23–31.
Традиционная культура народа коми. Сыктывкар, 1993.
Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
Туркин А.И. Топонимия нижней Вычегды. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
Уляшев О.И. Символика полотна у коми // Эволюция и взаимовлияние культур народов Северо-Востока Европейской части России. Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 57. Сыктывкар, 1993. С. 119–125.
Уляшев О.И. Кулӧм // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 214–215.
Уляшев О.И. Дзебӧм // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Москва; Сыктывкар, 1999. С. 140–145.
Уляшев О.И. Пач // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Москва; Сыктывкар. 1999. С. 291–292.
Уляшев О.И. Цвет в образе антагониста (По фольклорным материалам коми) // Матер. XII Коми республ. молод. конференции. Сыктывкар, 1994. С. 92–96.
Устав Коми-пермяцкого автономного округа. Кудымкар, 1994.
Фадеев Г.П. Будьте бдительны, пермяки // Миян шог. Кудымкар, 1990.
Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми / Науч. докл. КНЦ УрО РАН. Вып. 239. Сыктывкар, 1992.
Финно-угорские регионы России в цифрах. Сыктывкар, 1994.
Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
Халиков А.Х. Этническая принадлежность племен ананьинской общности // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. С. 13–29.
Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
Худяев И. Белые и светлые глины по верхнему течению р. Сысолы // Коми му. Усть-Сысольск. 1926. № 7. С. 45–46.
Цыпанов Е.А. Коми язык в печати // Вестник политической информации. Сыктывкар, 1990. № 1. С. 6–8.
Цыпанов Е.А. Проблемы языка – проблемы народа (О национально-культурном развитии Коми АССР) // Север. Сыктывкар, 1989. № 4. С. 97–102.
Цыпанов Е.А. Первым-коми гижӧд кыв. Сыктывкар, 1990.
Чагин Г.Н. Язьвинские пермяки. Пермь, 1993.
Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2. С. 51–80.
Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
Чеусов А. К зыряноведению // ЭО. М., 1904. № 2. С. 156–160.
Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.

Чисталев П.И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.
Шабаев Ю.П. Развитие современного жилища сельских коми // Тр. ИЯЛИ КФАН СССР. Вып. 28: Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 107–117.
Шабаев Ю.П. Коми-пермяцкая диаспора / Науч. докл. КНЦ УрО РАН. Вып. 341. Сыктывкар, 1994.
Шарапов В.Э. Образ многоногого существа в символике детской мебели у коми // Эволюция и взаимовлияние культур народов Северо-Востока Европейской части России. Тр. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 57. Сыктывкар, 1993. С. 86–93.
Шарапов В.Э. Богородичные праздники у современных коми / Науч. докл. КНЦ УрО РАН. Вып. 359. Сыктывкар, 1995.
Шарапов В.Э. Христианские сюжеты в фольклоре коми старообрядцев средней Печоры // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Сыктывкар, 1996. С. 310–320.
Шарапов В.Э. Графическая и свободнокистевая роспись по дереву на территории Коми края в XIX – нач. XX веков // Музеи и краеведение. Тр. Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 104–116.
Шарапов В.Э. Сон и сновидения в фольклоре коми: О природе сна в традиционных представлениях // Арт. 1997. № 1. С. 222–230 (а).
Шарапов В.Э. Перна – наперсный крест // Арт. 1998. № 3. С. 134–141.
Шарапов В.Э. Паськöм // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Москва; Сыктывкар, 1999. С. 284–290.
Шарапов В.Э. Пыртöм // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Москва; Сыктывкар, 1999. С. 323–325.
Шарапов В.Э. Рай // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Москва; Сыктывкар, 1999. С. 328.
Шелег В.А. Крестьянские росписи Севера // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. Л., 1992. С. 57–65.
Шляпин В.П. Удора (Из воспоминаний о путешествии в Удорский край в 1888 г.) // За работу. Великий Устюг. 1921. № 1. С. 72; № 2. С. 76.
Шренк А. Путешествие к Северо-Востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 году. СПб., 1855.
Штейнфельд Н.П. Зюздинский край // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 262–286.
Шургин И.Н. Народное жилище коми и формирование северного дома-комплекса // Архитектурное наследство. М., 1990. № 37. С. 301–311.
Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. Москва; Сыктывкар, 1999.
Янович В.М. Пермяки. Этнографический очерк // Живая старина СПб., 1903. Вып. 1. С. 1–223; Вып. 2. С. 52–171.
Ярцева В.Н. Соотношение общего и частного в языкознании и проблемы двуязычия // Изв. АН СССР: Серия литературы и языка. Т. 48. 1989. № 5. С. 391–403.

Alexander P. Family Encyclopedia of the Bible. Michigan, 1978.
Fokos-Fuchs D.R. Volksdichtung der Komi (Syrjanen). Budapest, 1951.
Fuchs D.R. Beitrage zur Kenntnis des Voklsglaubens der Syrjanen // Finnisch-ugrische Forschungen. B. 16. H. 2–3. Helsingfors, 1924.
Schrenk A. Reise nach dem Nordosten europeischen Russland. Bd. I. Dorpat, 1848.

МАРИЙЦЫ

Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965.
Айплатов Г.Н. Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа: Матер. научной сессии. Йошкар-Ола, 1967. С. 140–153. (а)
Айплатов Г.Н. Новый архивный документ о ясачном обложении и ясачной политике царизма в Марийском крае в XVII веке // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967. С. 130–147 (б)
Айплатов Г.Н. Навеки с тобой, Россия: О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола, 1967 (в).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (*В.А. Тишков, С.В. Чешко*) 5
ВВЕДЕНИЕ (*К.И. Козлова*) 7

КОМИ-ЗЫРЯНЕ. КОМИ-ПЕРМЯКИ

Глава 1
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 18
Этническая история (*И.Л. Жеребцов*) 19
Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV–XVI вв. и освоение новых территорий (*И.Л. Жеребцов*) 23
Этнографические группы коми-зырян (*Н.Д. Конаков*) 28
Этнографические группы коми-пермяков (*Ю.П. Шабаев*) 31
Язык (*Т.В. Федюнева*) 32

Глава 2
ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ (*Ю.П. Шабаев*) 41
Изменения этнической ситуации и этнодемографические процессы 41
Изменения в этническом самосознании коми 47
Национальное движение 49

Глава 3
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ (*Н.Д. Конаков*) 50
Традиционное природопользование 50
Земледелие 53
Животноводство 61
Охота 64
Рыболовство 70
Оленеводство (*О.В. Котов*) 74

Глава 4
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА *М.Б. Рогачев (коми-зыряне), Ю.П. Шабаев (коми-пермяки)* 77
Традиционное жилище 77
Одежда и обувь (*В.Э. Шарапов*) 91
Пища и утварь (*О.В. Котов*) 107
Транспорт (*О.В. Котов*) 112

Глава 5
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ 117
Семья (*О.И. Уляшев, М.Б. Рогачев*) 117
Родины (*И.В. Ильина*) 121
Свадьба (*П.Ф. Лимеров*) 129
Похороны и поминки (*О.И. Уляшев*) 144
Культ предков (*И.В. Ильина*) 149